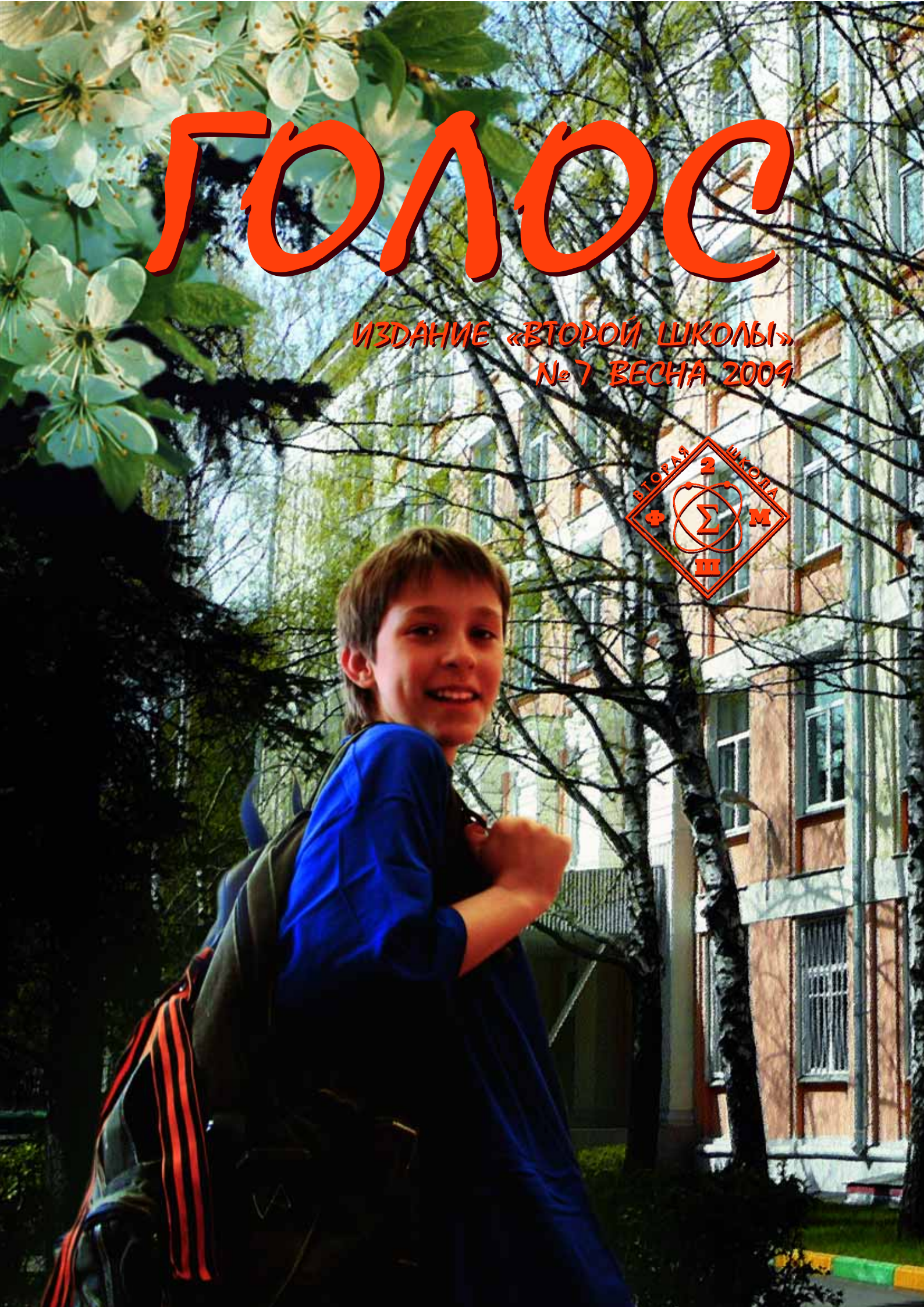

Голос

ИЗДАНИЕ «ВТОРОЙ ШКОЛЫ»
№ 7 ВЕСНА 2009

ОТ РЕДАКЦИИ

Совсем недавно нам, уставшим от зимы, казалось, что снег будет падать за окном бесконечно. И вот весеннее солнце согревает наши лица и наши души. Воздух пахнет талой водой и просыпающейся листвой. А дни всё длиннее, и поэтому по вечерам над нашей головой уже не свет московских фонарей, а облака.

Весна каждый год особенная. И каждый год праздничная!

Первые весенние каникулы... Тюльпаны, конфеты и смущённо-благодарные улыбки второшкольниц в начале марта... Первый дождь... Ожидание Дня Победы... Нарядная весенняя Москва... Георгиевские ленточки на рюкзаках... Военные оркестры... Ордена и медали на груди ветеранов... Лица Победителей... их глаза... их улыбки... их слёзы... Салюты в московском небе... Майские каникулы... Новые лица... (Это переступили порог школы будущие второшкольники. Чем не праздник?) А ведь скоро Последний звонок... Для выпускников он прозвенит в стенах «Второй школы» в последний раз... И грустно, и светло...

И пусть ещё впереди многочисленные контрольные, зачёты и экзамены, мы знаем: ВЕСНА НЕ ПОКИНЕТ НАС ДО САМОГО ЛЕТА!

*Искренне Ваша,
редакция*

Над номером работали:

Селиванова И.В., Сейфулина А.Ю., Ефименко Г.П., Васянин С.И., Васянина А.В., Зацерковная И.А., Ковальджи А.К., Кондратьев А.В., Гусева И.В., Лукандевер Ю.С., Богоявленская Ю.С., Волошенкова Л.А., Прошкина Т.А., Шелов Д.С., Шувалов А.Б., Васильева Александра, Ларшина Екатерина, Лазарева Елизавета, Назарова Анастасия, Вихляев Никита, Цветкова Александра, Левитова Полина, Тимохин Иван, Ворщева Арина, Дорохина Елена, Синяков Глеб, Богатырев Никита, Сизов Алексей, Проскурякова Екатерина, Машинский Владимир, Викторова Елизавета, Брагин Михаил, Якубов Михаил, Зайцев Виктор, Калинин Павел, Кузьмин Алексей, Будков Александр

PS: Ваши статьи, стихи, рассказы, рисунки, фотографии и пожелания ждем по адресу golos.l2sch@gmail.com

Предлагаем также Вашему вниманию Второшкольную интернет-газету <http://www.sch2.ru/gazeta>

СОДЕРЖАНИЕ

О ШКОЛЕ

Весенний праздник «Второй школы»	2
Один взгляд назад	3
Надоели пятерки	6
Частичные ответы на самые сложные вопросы Вселенной	6
Все лучшее — впереди!	7
Что нам дорого... ..	7

ИСТОРИЯ ШКОЛЫ

Воспоминания о нас и о «Второй школе» (Окончание)	10
---	----

РАЗНОЕ

То самое чудо	23
---------------------	----

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Проблемы современного подростка	11
---------------------------------------	----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Теория невероятности	8
Точка опоры	23

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

С распахнутой душой	23
Крик	20

ДОРОГА

Корень солнца	16
---------------------	----

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСКУССТВУ

«Мы из будущего»	19
------------------------	----

21 КАБИНЕТ

Разговор с психологом	24
-----------------------------	----

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Жизнь победивших в этой войне	26
Нет на свете таких слов	26
В то страшное время	27
Это уже героизм	29
Небо над Варшавой, 1939	30
Похоронка	30
Бескозырки	31
Военно-историческая реконструкция	32

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК «ВТОРОЙ ШКОЛЫ»

Вот и пришла долгожданная весна! В Лицее снова праздник — в марте во «Второй школе» начинаются вступительные испытания. Угадывая ироничные улыбки на ваших лицах: «Какой же это праздник?». А видели вы когда-нибудь глаза школьников, горящие желанием исполнить свою мечту — поступить в наш Лицей? Я видел. И радуюсь тому, что эта мечта для многих может скоро осуществиться.

Каждый год повторяется радостная картина: светлые лица, пытливые взгляды, волнение, делающее эти лица ещё более трепетными. Невольно это волнение передаётся и нам, работникам школы, на которых возложена непростая задача проведения приёмной кампании. Эта задача не только в том, чтобы поставить или не поставить «зачёт» по математике на вступительном испытании. Нам необходимо разглядеть в пришедших к нам маленьких людях наиболее способных и талантливых, тех, кто через некоторое время сможет с гордостью носить звание «второшкольника», тех, для кого история, традиции, жизнь и сам дух «Второй школы» станут не просто словами, а частью жизни.

20 марта этого года — в первый день вступительных испытаний — я пришел в школу в парадной одежде. Мои ученики и коллеги наперебой спрашивали меня: «Что за праздник, Сергей Иванович?». И, услышав мой ответ, с пониманием и согласием кивали головой — действительно, праздник.

Всегда приятно рассказывать о школе: о её статусе, рейтингах, победах и достижениях, но обо всём этом можно узнать на нашем сайте, в самой школе, поговорив с учениками, учителями, выпускниками и родителями учащихся. Я просто попробую ответить на два вопроса: «Почему к нам приходят?» и «Что ждёт поступивших к нам школьников?».

Так уж сложилось, что наша школа не совсем обычное образовательное учреждение. И дело тут даже не в специализации или уровне подготовки, а в том влиянии, которое она оказывает на своих учеников. Для многих лицейстов школа становится серьёзным испытанием характера, проверкой своих сил и возможностей и одновременно средой для формирования, «выращивания» самого себя. Однако испытание это не всем под силу выдержать, поэтому очень хочется попросить родителей наших абитуриентов не приводить к нам своих детей против их воли и желания. Нам понятно стремление многих родителей «определить» своего ребенка в хорошую физико-матема-

тическую школу, чтобы здесь его научили всему, что необходимо для поступления в престижный вуз. Но если у ребёнка не сформировались интерес и мотивация к обучению, а потенциал и способности невелики, то, даже поступив в нашу школу, он может испытывать больше страданий и мучений, нежели радости. Но если и желание, и способности, и силы есть, добро пожаловать к нам!

Мне много раз приходилось наблюдать, как меняется в процессе учёбы облик поступивших к нам детей, как они открываются навстречу новым друзьям, новым учителям, новым отношениям. Пусть это происходит не со всеми, но в каждом классе такие дети есть. Они дорожат «Второй школой» и, если складывается тяжелая ситуация с учёбой, сражаются за свое право остаться здесь. Мне известен не один десяток случаев, когда казалось, что справиться с учебными проблемами человеку не под силу, но он не опускал руки и продолжал бороться. Бороться с собой. Пусть не каждому удавалось победить, но я видел, как люди становились другими после преодоления таких испытаний.

Только не подумайте, что вся жизнь во «Второй школе» — это постоянная борьба с трудностями. Радостные события обязательно происходят с каждым.

Через много лет после окончания школы выпускники с теплом и благодарностью признаются, что, скорее всего, жизнь их сложилась бы по-другому, если бы им не посчастливилось учиться во «Второй школе». Книга «Записки о «Второй школе»» — лучшая иллюстрация моих слов. О своих переживаниях, о своих победах, о своих счастливых моментах лучше меня расскажут сами второшкольники, что они с удовольствием делают, например, на страницах этого журнала. Читайте!

В заключение напишу о своих ощущениях. Вот уже шестнадцатый год я переступаю порог «Второй школы», и на моем лице появляется неизменно радостная улыбка: меня ждет интересный день, дорогие мне люди, мои любимые ученики. Не просто работа. «Вторая» давно стала частью моей жизни.

Всех, кто хочет связать свою судьбу со «Второй школой», с радостью будем ждать на вступительных испытаниях. Главное — верить в себя и надеяться на лучшее. Удачи вам! До встречи в Лицее! ■

*Сергей Иванович Васянин,
учитель математики,
заместитель директора Лицея,
председатель приёмной комиссии*

ОДИН ВЗГЛЯД НАЗАД

Человек проводит в школе самую значимую часть своей жизни. В ней он формируется как личность, как неотъемлемый элемент общества. После лицея выходят люди не только хорошо подготовленные к вузу, но и прекрасные товарищи, друзья, на которых можно положиться, которые никогда не предадут. Это живые люди, глядящие на мир глазами ребёнка, они знают, что их жизнь в их руках, а значит, они могут изменить этот мир к лучшему.

«Сейчас начинается новая жизнь», — подумала я, переступая порог Лицея «Вторая школа» первого сентября седьмого класса. И, надо сказать, не ошиблась.

Предыдущие шесть лет моей жизни я помню как в тумане. Училась я в обычной районной школе без каких-либо направлений. Все дни были одинаковыми, скучными. Как и в любом другом классе, было разделение на «лидеров», «отшельников» и «серых мышек». Именно к таким «мышкам» я и относилась с первого класса. Но за шесть лет человек меняется, не правда ли? Вот и во мне всё изменилось, надоела эта недружелюбная атмосфера, которая царила в нашем классе, и учителя, которые постоянно рассказывали о своих личных проблемах. Захотелось уйти. Терять было нечего, таких друзей, чтоб на всю жизнь, у меня в то время не было. И я ушла.

Помню своё удивление, когда на торжественной линейке первого сентября около «Второй» увидела людей с

табличками «12а», «13б», «13в», и другими номерами, больше 11.

Потом нам рассказали, что это выпускники, которые каждый год на первое сентября собираются классом около лицея, чтобы увидеть друг друга и учителей. Казалось, что это не разные классы, а одна большая семья, которая собралась вместе на праздник. Все вокруг улыбались и смеялись... Царило совсем иное настроение, не жели в предыдущей школе.

Надо сказать, что именно это настроение всеобщего оптимизма и определило мою жизнь в последующие четыре года. Много нового я узнала и о людях, и о дружбе, и об учёбе. Наш класс был одним из самых больших классов во всей школе — целых 27 человек! Всех запомнить было сложно, но уже за месяц все друг друга знали в лицо, а у некоторых появились прозвища. Но не это радовало душу. Поражало то, с какой добротой и пониманием относятся к тебе окружающие. Никто не бросает ни злых, ни завистливых взглядов, не ругается, изначально все друг к другу относятся очень доброжелательно. Это аксиома.

Однажды наша классная руководительница сказала, что мы уже немного знаем друг друга и поедem в «Подвал». Замечу, что никто не знал, что это за загадочное место «Подвал» и зачем нам туда ехать. Когда мы спрашивали у наших старших коллег об этом, они лишь хитро улыбались, говоря, что все второшкольники проходят

через данное испытание и нам его не избежать. И вот настал день «Подвала». Нам сказали приехать на станцию «Кропоткинская», дальше нас должна была повести Людмила Яковлевна, наша классная. Помню, на часах было двенадцать, когда приехал последний мой одноклассник, и мы вышли из метро. Людмила Яковлевна уверенным шагом вела нас по улочкам города. Вот мы свернули в арку, повернули налево, прошли немного и... очутились около старой двери, рядом с которой малярной краской было написано: «Подвал». Было немного страшновато спускаться по ступенькам в почти полной темноте, хватаясь за руки одноклассников, чтобы не упасть. Когда под ногами вдруг оказался вполне твёрдый пол, мы поняли, что началась сказка. И действительно, мы стояли в маленькой, но очень уютной прихожей, с большими зеркалами. Навстречу нам вышли двое людей — девушка и парень, которые поздоровались, сказали, куда можно повесить одежду, а потом проводили нас в зал. Это было большое помещение, со зрительными местами, сценой и свободным пространством. Освещение было не очень яркое, окон не было, поэтому ощущение времени пропадало напрочь. В «Подвале» была ещё одна маленькая комната с двумя софами, пианино, гитарой... В этой комнате не было обоев, а белые стены покрывали надписи. «Спасибо, подвал», «Мы тебя любим», «Те жив», «Ура, у нас получилось», и, конечно же, «Здесь был Вася» — примерно такого содержания были эти надписи.

Но зачем нас туда привели? Оказалось, для того, чтобы мы научились доверять друг другу и Людмиле Яковлевне, научились ценить и принимать во внимание чужое мнение, чтобы могли работать в команде и чувствовать себя единым целым. Ведь проблема раздробленности в классе очень часто возникает в школьной жизни. Как всё происходило? Нам давали некоторые задания, которые мы должны были выполнить. Для начала надо было выбрать себе пару и расспросить этого человека о том, что он любит, чем увлекается, и т. д. А потом рассказать всему классу. Надо было, не говоря ни слова, пользуясь только жестами, узнать, в каком месяце кто родился, и выстроиться в ряд по датам дней рождений... Это были простые задания, мы узнавали друг друга, запоминали имена и присматривались к характерам. Это было в первый день. Самое весёлое и сложное началось во второй. Никогда мне не забыть круг доверия, когда десять человек становятся вокруг тебя и ты падаешь, а они тебя ловят и передают по рукам. А задание «утонувший корабль»? Наш корабль затонул и теперь мы должны были всем классом уместиться на одной маленькой тряпочке, размером метр на метр. 27 людям это довольно трудно сделать, не правда ли? Но мы справились!

Самое незабываемое было в конце, на задании «лиана». Его суть: верёвку, изображавшую ядовитую лиану, натянули на высоте примерно 120 см над полом между

двух столбов. Мы — путешественники, которые должны перебраться через преграду, при этом дотрагиваться до столбов и лианы нельзя, прыгивать может только первый человек. Получается, что остальных надо аккуратно передавать по рукам. Это очень, очень сложно, поверьте мне. У нас было несчитанное число неудачных попыток, казалось, что мы никогда не выполним это задание, стоял крик, все что-то предлагали, но не могли прийти к консенсусу... В конце концов мы поняли, что в каждой предложенной идее было здоровое зерно, собрались духом и попытались преодолеть трудность не спеша, обдумывая каждый шаг. Когда мы по рукам через лиану передавали Людмилу Яковлевну, то видно было, что она немного опасается, боится, что её уронят, но всё обошлось, и никто даже не упал. А когда последний человек оказался на той стороне лианы, была просто вселенская радость! Её сложно описать словами, можно только почувствовать.

Я очень благодарна, тем людям, которые сделали посещение «Подвала» одним из официальных мероприятий «Второй школы», ведь именно с совместного прохождения трудностей начинается дружба. Настоящая дружба.

Школа становилась для нас вторым домом. Я и мои одноклассники ходили туда с удовольствием, может не всё получалось, но мы видели, что учителя любят свою работу, стараются, пытаются донести до всех то, что они знают, а ребята, в свою очередь, хотят получать знания. Говоря о Лицее, нельзя не рассказать об учителях и о некоторых традициях, даже поверьях, с ними связанных.

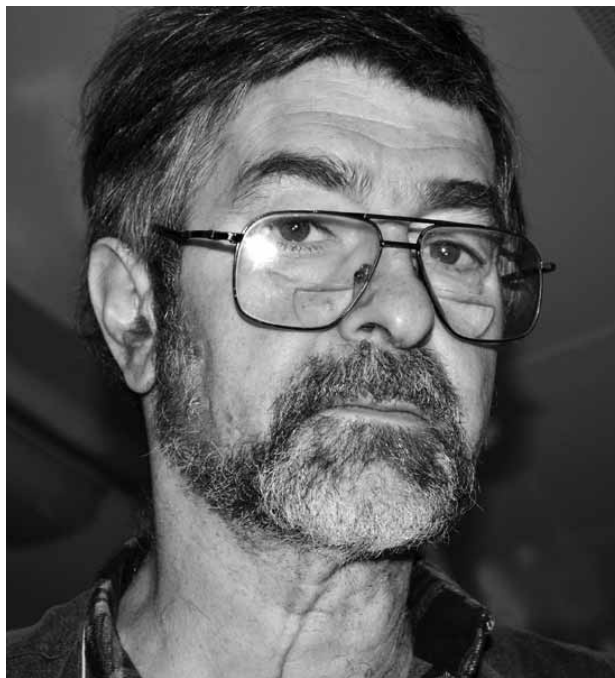
Самым грозным предметом во все времена считалась география. Да-да, несмотря на физико-математический профиль всех классов. Вёл этот предмет Алексеев Александр Ильич. Всегда перед его уроком класс строился по росту, девочки отдельно, мальчики отдельно, он, не очень высокий, внушавший благоговение, проходил между рядами, критично осматривая наши две шеренги, говорил: «Ровненько, ровненько, по линии становитесь! Выпрямитесь, молодой человек!». Только после этого маленького ритуала следовало: «Можете заходить в класс». И весь класс, пять минут назад носившийся с криками на перемене, в абсолютной тишине рассаживался по местам. Сначала мы боялись Александра Ильича. Одного его взгляда достаточно было, чтобы почувствовать свою неправоту и отвернуться от тетради соседа или перестать витать в облаках на уроке. Спустя некоторое время, мы поняли, что это замечательный учитель и человек. Строгий, но справедливый, с чувством юмора, мягкий характером, но умеющий держать класс в абсолютной тишине. Именно на его уроках мы поняли, что значит укладываться в 60 секунд при ответе у карты. Надо сказать, что, рассказывая что-либо по карте, начинаешь чувствовать себя дирижёром — с такой быстротой и чёткостью скользит указка по горам, странам, рекам, городам, всегда находя правильный ответ на любой вопрос. В десятом классе география закончилась, но всегда, видя в коридоре Александра Ильича, невольно

выпрямляешь спину, здороваешься и вспоминаешь столицы мира, так, на всякий случай.

Есть в Лицее один учитель, знакомство с которым буквально меняет мировоззрение. Это Зильберман Александр Рафаилович, учитель физики и автор учебников по ней же. Он преподает в Лицее уже много-много лет, за которые стал его неотъемлемой частью. Это очень спокойный, уравновешенный человек с грустными серыми глазами, с тонким чувством юмора и просто волшебной способностью располагать к себе людей, как учеников, так и учителей. Зильберман разработал свою, ни с чем не сравнимую технику преподавания. Он относится ко всем с такой любовью и теплотой, так, что порой кажется, что это совсем родной человек.

Пусть говорит он негромко, но его всегда внимательно слушают, потому что знают, что физика для Зильбермана всегда была чем-то большим, чем просто школьной наукой, это вся его жизнь, а такое отношение к чему бы то ни было нельзя не уважать. Лекции Зильбермана наполнены разнообразными, интересными фактами, кроме того, он рассказывал нам о разных случаях на физтехе (все эти отступления неизменно начинались со слов «когда я был маленький и учился на физтехе...»), рассказывал, как правильно отвечать на экзаменах, на чём делать акцент, как сглаживать переходы, рассказывал о разных научных экспериментах и парадоксах. Два урока, которые отводились на его занятия, слишком быстро кончались, и мы часто приходили к нему в конце дня, чтобы опять услышать его тихий голос, и увидеть разные опыты, которые проводились на его физическом кружке. Александр Рафаилович — очень начитанный человек, он не просто физик, а физик-философ, который может высказать и обосновать свою точку зрения на любой вопрос, будь то условия для опыта Дальтона или проблема модернизации России. Многие ученики, выпускники, студенты, которые его знают, очень признательны Зильберману за то, что им довелось учиться у него.

Но учителя — учителями, а душа Лицея — это, конечно же, Хамид. Кто это? Хамид — мастер на все руки, человек знающий, что где лежит, как что подкрутить. Если вдруг что-то где-то отломается, то он сразу же на месте с отвёрткой в руках и молотком. Я никогда не слышала, чтобы его называли по имени-отчеству, всегда и все только «Хамид». А он улыбается и закручивает какую-нибудь очередную гайку. Разговаривает он достаточно редко, только по делу. Никогда не забуду одного случая. Наш класс сидел на английском, на восьмом уроке. Аудитория находится на втором этаже, за окном уже темно. И вот в окно кто-то скребётся. Сначала я подумала, что показалось, но через минуты две открывается окно и в него с улицы входит Хамид. Здоровается и выходит из класса. У нас не просто удивление, а настоящий маленький шок. Но этим всё не закончилось. Минут через пятнадцать Хамид входит в класс, подходит к окну, открывает его и, сказав всем «до свидания», уходит,

А.Р. Зильберман

закрыв за собой окно. Потом оказалось, что он чинил крышу крыльца, и, чтобы не тратить время на спускание вниз, просто воспользовался окном, чтобы сбегать за нужным инструментом.

Лицейсты тоже не совсем типичные люди. Они не зубрилы и не ботаники, просто они любят и хотят учиться, понимают, что это им надо. А с таким настроением все идет гораздо проще и веселее. В Лицее выпускается свой журнал под названием «Голос», куда любой может написать рассказик или статью, а её обязательно опубликуют, часто ученики по собственному желанию устраивают концерты, КВН, иногда просто собираются в столовой, чтобы поболтать о жизни. На Новый год проводится конкурс костюмов! В этот день все и учителя и ученики приходят переодетые в разных героев и вся школа словно наполняется улыбками.

Лицей «Вторая школа» стал для меня вторым домом, домом, где меня всегда поймут и поддержат, научат. Здесь у меня появились друзья, друзья на всю жизнь. Мне показали, что можно доверять людям, что в жизни всегда все получится, если стараться.

Конечно же, были и трудности, и проблемы, но преодолевали мы их уже не поодиночке, а вместе, помогая друг другу. Всего нельзя рассказать словами... Многие выпускники, поступившие в МГУ, выходят из автобуса на остановке около Лицея, идут вместе со школьниками во «Вторую», а когда спрашиваешь, почему, то ответ всегда примерно один и тот же «Не мог проехать мимо. Соскучился». А некоторые после института возвращаются в Лицей, но уже в качестве преподавателей. ■

Арина Воршева, 11 класс

НАДОЕЛИ ПЯТЕРКИ?

Придя на вступительные экзамены в Лицей «Вторая школа», я заметил на доске объявлений плакат с надписью: «Надоели пятерки? Тогда переходи к нам в Л2Ш». Как известно, в каждой шутке есть доля правды: получать хорошие оценки, учась во «Второй», не так просто, как в обычной школе. Но школьники приходят в Л2Ш не за «пятерками», а за знаниями.

Я задумался о переходе в другую школу после того, как в моей старой школе решили создать профильные классы, среди которых не было физи-

ко-математического. Параллельно с этим я начал заниматься в Вечерней физической школе на физическом факультете МГУ. Там было много ребят из «Второй школы», и я слышал об этом Лицее много хорошего: о профессионализме учителей, о высоком уровне подготовки выпускников. Хотелось углубить свои знания по математике и физике, и поэтому, узнав о возможности поступить в Л2Ш, я не мог ею не воспользоваться.

Однозначно ответить на вопрос «Что движет поступающими в Лицей «Вторая школа»?» нельзя: у

каждого свои причины. Кто-то, как и я, стремился выбрать сильную физико-математическую школу, другой следовал семейной традиции (мне известны семьи, где не одно поколение училось во «Второй»), а некоторые абитуриенты просто выбирали лицей рядом с домом.

Я рассказал лишь о своей мотивации, так как не могу наверняка знать, какой она была у других. Однако с уверенностью могу отметить, что Л2Ш — хороший лицей, и я в нём не разочаровался. ■

Михаил Якубов, выпускник 2007

ЧАСТИЧНЫЕ ОТВЕТЫ на самые сложные вопросы ВСЕЛЕННОЙ

Если честно, раньше я предпочитала не думать, зачем поступала в Л2Ш. Я просто услышала о Лицее и подумала: почему бы не попробовать? Вся моя подготовка ограничилась первой половиной шестого класса на кружке МГУ. Veni, vidi, vici... Написала математику. Надо же, сдала. Написала русский. Сдала, неплохо. Попробовать, что ли, устную математику? Ничего себе, прошла! А не пойти ли в Л2Ш? А почему бы и нет?

И вот она я... Здесь. Я спросила себя: а не жалею ли я? Определённо нет, хмыкнула я про себя и не стала задаваться вопросами типа «зачем» и «почему» — это самые сложные вопросы Вселенной, размышление над которыми может легко свести с ума...

Но недавно меня спросили, зачем и почему. Тогда я села, задумалась и написала этот список.

1. Вы не представляете, в КОГО вы превратитесь за полтора года обучения в Л2Ш. Если честно, я сама слабо себе это представляю... Но, несомненно, я изменилась. Мерси за любовь к физике, математике — и философии!

2. Дальняя дорога. Вы думали, это минус? Ха! Ещё чего! Метро просто СОЗДАНО для концентрации, а автобусы — для чтения книг (особенно потому, что читающих в транспорте меньше злят — или они меньше злятся, поверьте опыту!)

3. Музыка. Привязанность к музыке. Сейчас я пишу, а у меня на голове мягкие наушники, а в них знакомые голоса и парящие ноты... Откуда музыка? Ну, ПРАВИЛЬНО, транспорт...

4. В Л2Ш я написала первый рассказ. Не исключено, что, если бы не Лицей, я бы так НИКОГДА ничего и не закончила. Правда, страшное слово — НИКОГДА? Мороз по коже...

5. Усталость. К концу триместра я чувствую себя так, как будто ещё одно движение головой отправит меня в нокаут, а запах еды из столовой — в голодный обморок. Зато я впервые узнала, какое это БЛАЖЕНСТВО — каникулы...

6. ОЧ-ЧЕНЬ приятно по субботам протискиваться среди учеников вечерней школы или идти весной в пальто нараспашку в лицейской форме! Национальная гордость!

7. И национальный юмор... Не удивляйтесь смешкам про жёлтые стены — ах да, когда вы придёте, их уже перекрасят в розовый... А жаль! Никто не подкинул идею строителям, что жёлтый нам подходит КУДА БОЛЬШЕ...

8. Плохая погода, вечное недосыпание и горы контрольных. НО! Закон противовеса жизни — чем тяжелее и сложнее, тем меньше нужно человеку для счастья — НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ! Кстати, вы знаете, что изначально циниками называли совсем не тех людей, что сегодня?

9. Эйфория отменённого зачёта — ОТДЕЛЬНЫМ ПУНКТОМ!

10. Для ПОСЛЕДНИХ скептиков — если вам здесь, в Л2Ш, не покажется лучше, то уж точно не хуже... Но это для последних скептиков! Оптимистам не обращать внимания!

Итак — вот, в общих чертах и лаконично. Если честно — это не пропаганда, а чистейшая правда...

А серьёзно, отбросив юмор... Конечно, мой взгляд исключительно субъективен и каждый должен выбирать свою дорогу сам. Я не хочу заставлять никого идти в Л2Ш против воли — Боже упаси! Всё, что я хотела сказать, — это то, что я благодарна Лицею и что он сделал меня счастливой. ■

Саша Васильева, 8 класс «А»

Что нам дорого...

Во «Вторую» я поступал два раза: после шестого класса (неудачно) и после седьмого (поступил).

Заканчивая шестой класс, я ощущал большую усталость от своей школы. Я понимал, что мне надо искать замену. Мой выбор пал на «Вторую». Придя в неё первый раз, я, что называется, проникся атмосферой, царившей в ней. Как сказали бы люди, более одарённые литературным талантом, ум, честь и совесть просто царили в воздухе. Во время экзаменов я всё больше и больше убеждался, что передо мной та самая школа, которую я искал.

К сожалению, в седьмой класс я не поступил. Однако загорелся идеей во что бы то ни стало поступить в восьмой класс. Весь год я усиленно готовился: занимался в заочной школе МИФИ, сам решал задачи — словом, делал всё от меня зависящее, чтобы обязательно поступить. Всегда, когда я проходил мимо здания Лицея, начинал завидовать тем, кто в нём учится.

Но вот настала долгожданная весна две тысячи третьего года. Я снова переступаю порог сего заведения. На этот раз с твёрдой уверенностью в поступлении. И вновь

на меня нахлынула та атмосфера, которая свойственна только «Второй» и никакой другой школе. Однако на этот раз я был готов: стараясь не обращать внимания на нахлынувшие эмоции, я целиком и полностью сосредоточился на стоящей передо мной задаче — поступить. На математике мне это удалось (пять из пяти — письменная и десять из десяти — устная). Но на русском я, видимо, расслабился и сдал его только на три. Но в итоге всё равно поступил. Моя мечта была осуществлена.

Проучившись первую четверть, делая все домашние работы, я привык к этой атмосфере. И ничто уже не мешало приходить в школу с несделанной домашкой, ходить без сменки, и многое из того, что в первой четверти своего первого года обучения я не мог себе позволить. Однако до сих пор, когда я переступаю порог «Второй школы», в моей памяти оживает тот момент, когда я пересёк его в первый раз.

Мы не должны забывать то, что нам дорого. Иначе жизнь станет пресной и скучной. ■

Алексей Кузьмин, выпускник 2007 года

Все лучшее — впереди!

Многие люди осмысленно готовятся поступать в Л2Ш, тратят на подготовку год-полтора, блестяще сдают экзамены и попадают в вожделенное учебное заведение, дабы предаваться изучению точных наук. Для меня Л2Ш был «тёмной лошадкой». Я понятия не имел о том, что Лицей из себя представляет. Тем не менее, каким-то чудом ваш покорный слуга попал в эту обитель знаний. И, вероятно, осознание того блага, которое выпало мне тогда, пришло не раньше, чем через год после поступления.

Что такое Л2Ш? Для меня — это единственное учебное заведение высокого уровня, где к детям относятся по-человечески. «По-человечески» — звучит банально, даже как-то повседневно, если хочешь чего-то представить в хорошем свете.

Но это действительно так.

Мы ходили в водные походы с учителем программирования и играли в волейбол с учителем математики. На самом деле, учителя Л2Ш — великие люди. Учительница по литературе — Ирина Владимировна Селиванова. Невероятно живой, творческий человек. Именно такой человек должен преподавать литературу. Сергей Иванович Васянин — учитель математики. Сложно описать, такое надо видеть... Илья Рудольфович Дединский научил нас программировать. Вещи, казавшиеся магией, стали просты и понятны. Программирование вообще вырабатывает особый образ мышления. И с тем же учителем программирования мы катались по горной речке на Украине. Учитель геометрии Игорь Дмитриевич Жижилкин — специалист вы-

сочайшей квалификации. Большая честь — иметь возможность с ним общаться. «Вторая школа» вызывает глубокое уважение к учителям (это даже, наверное, сродни античным отношениям «Учитель — Ученик»). Сложно придумать аналогию тому, как устроен Л2Ш. Разве простому смертному объяснишь, кто такой Александр Ильич с четвертого этажа? Всех не перечислишь, а, дабы кого-нибудь не забыть, стану закругляться.

Учителя здесь — люди с большой буквы, и с ними очень приятно общаться. Благодаря такому подходу, Л2Ш хранит традиции реального научного образования. Только немного пугает разросшийся в последнее время административный орган, да и не понятно, зачем надо ставить в школе турникеты (делать, что ли им больше нечего?). Но это не моего ума дела. И всё равно я точно знаю: все лучшее — впереди. ■

*Виктор Зайцев,
выпускник 2007 года*

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ

Мы публикуем выдержки из книги Михаила Анчарова «Теория невероятности». Хочется познакомиться читателей «Голоса» с этим удивительным человеком, который в 1941 году с первого курса института ушёл в армию, а после войны прожил долгую интересную жизнь.

Анчаров Михаил Леонидович (23.03.1923 — 11.07.1990) — коренной москвич. В 1944 г. окончил Военный институт иностранных языков, участвовал в военных операциях в Маньчжурии (переводчик с китайского языка). После войны окончил Московский художественный институт им. Сурикова (1954). Как писатель выступил впервые в 1964 г., опубликовал рассказ «Венский вальс». Большое внимание привлёк к себе его роман «Теория невероятности» (1965). Написал ряд сценариев для кино и телевидения, в частности (совместно с В. Аксёновым) «Мой младший брат» (1962).

Также широко известны его песни.

«Теория невероятности» — удивительная книга. О чём она, сразу и не скажешь. Конечно, о любви, о дружбе, о физиках и лириках, о науке и поэзии, о военной и мирной жизни, о горе и радости, о вероятности и невероятности, о том, что в нашей жизни всегда есть место сказке. Она из тех немногих книг, которые хочется читать вновь и вновь, но всё же немного завидуешь тем, кто её ещё не читал.

Может быть, эти фрагменты вас заинтересуют.

• Есть в каждом дне, в каждом часе даже, строчки, отпечатанные крупным шрифтом. Только мы их не замечаем, занятые заботами дня. Вот, например, выходит человек на снежную улицу. Белый-белый снег летит наискосок на фоне домов и исчезает в сугробах. Человек поднимает воротник и, засунув руки в рукава, бежит, сменяя ногами и мотая локтями из стороны в сторону. Он сворачивает за угол, и на том месте, где он исчез, секунду-другую снег кажется темнее, чем вокруг. Проезжает троллейбус. Снег заинтересованно кидается за ним вслед. А человека, свернувшего за угол, и след простыл. Стынут и заметаются снегом неглубокие его следы. Но ведь где-то, в каком-то месте, может быть, в чьей-то душе он оставил горячий незаметный след. Не может же быть, чтобы совсем бесследно прошел человек. Мы значительны, дорогие друзья. Мы значительны друг для

друга и вписаны в соседскую жизнь гораздо более крупным шрифтом, чем нам кажется.

Остановимся же, подумаем и поглядим друг на друга с добрым расположением. Ибо жизнь коротка, а снег падает каждую зиму.

• А вдруг поэзия — это способ мышления будущего человечества? А лирика — это предчувствие такого будущего. Поэтому так часто она печальна, кстати...

• Человек взрослеет по-настоящему, когда его первая самостоятельная работа оказывается осуществлённой другими людьми.

• Я перестал плакать, когда заметил, что мне понравилось это дело. Вытер сопли и вышел на улицу. Я чувствовал себя разгромленным полководцем. Мне надо было собрать свои разбитые отряды и отвести их на тёплые квартиры и зимовать с ними до самой смерти.

• **Притча о счастье.**

«Первый сказал: „Счастье — это когда много работы и много любви, и тогда работа толкает к любви, а любовь порождает работу“.

Второй сказал: „Чепуха. Счастье — это когда нет ни занятий, ни домашних заданий, ни работы, ни отпусков, ни каникул, а есть только весна, лето, зима, осень и можно писать их красками и кистями, и резцом, и пером круглосуточно и без отдыха“.

Третий сказал: „Счастье — это когда можно выдумывать и бросать идеи пачками и не заботиться о том, что они не осуществляются“.

Четвертый сказал: „Везение — это когда спасаешь, помогаешь, стоишь насмерть за правое дело, защищаешь и делаешь подарки“.

И только пятый молчал. Ибо он боялся признаться, что его счастье — это сожрать все то, что придумают и добудут остальные четверо.

Люди, запомните: если что-нибудь не ладится в вашей жизни, это значит, что рядом с вами или в вас самих завелся пятый...»

• «Сказка есть, дьявол вас заберет! — пело у меня в душе. — Есть сказка, будьте вы прокляты, хапуги, карьеристы, энтузиасты на секунду! Есть вспышки красоты и жизни, которые ломают рёбра вашим скороспелым выводам, за которыми прячется зависть от трусости и равнодушие от эгоизма! Есть светлый мир с его причинами и следствиями, и не верю в угрюмую статистику, которая прогрессивна для частных технических задач и негодна как мировоззрение. Потому что свобода — это осознанная необходимость, а какая свобода в мире тупой вероятности? Человек — это не осёл между стогами сена. Он, томимый ощущением закона, высшего, чем простые „да“ и „нет“, мучаясь, ошибаясь, вглядываясь в мир и прислушиваясь к своим тяготениям, свободно проявляет свою волю и сам отыскивает свою цель, и цель его не охалка сена, она тоже уточняется по мере продвижения вперед».

• Случайность есть проявление и дополнение необходимости... ■

ПРОБЛЕМЫ современного подростка

Хорошо, что представилась возможность, и я могу полностью излить свою душу на этот белый лист бумаги. Я давно собирался сделать это, хотел написать что-то вроде дневника, но никак не мог приступить. И вот уже даже здесь проявляется проблема №1: катастрофическая нехватка времени. Надо прилично учиться, а на это уходит много времени. К тому же сейчас идёт подготовка к поступлению. А ведь сколько всего ещё хочется успеть сделать помимо учёбы! Репетировать с группой, чтобы добиться успеха. Эта мысль очень часто мелькает в моей голове, потому что этот вид деятельности является неотъемлемой частью моей жизни, я вкладываю в неё всю душу и прилагаю много усилий, так что будет очень обидно, если она ничего не даст мне взамен. А чтобы получить какой-то результат, нужно потратить много сил, а значит, и времени, но невозможно потратить то, чего не имеешь.

Пытаясь найти хоть чуточку свободного времени, мы забираем его из нашего сна, что сказывается на здоровье. Так что проблема №2 — это хроническое недосыпание. Как же тяжело каждое утро вставать, когда лежишь под тёплым одеялом, в комнате темно, за окном сырость, слякоть, слышно, как капли бьются о подоконник, глаза настолько тяжелы, что открыть их получается не сразу. Но ты перебарываешь себя, резко встаёшь, откидывая одеяло в сторону, и тебя обдаёт противным холодом. Начинаешь лениво одеваться. Весь организм ещё спит, в мышцах какое-то приятное ощущение, оно усиливается, когда начинаешь потягиваться. Потягивание вызывает зевоту, при этом глаза закрываются. И всё повторяется... Когда наконец встаёшь и включаешь свет, мгновенно получаешь жёсткий удар по глазам, закрываешь лицо руками. Медленно открываешь глаза. Заходишь в ванную и видишь своё измученное лицо в зеркале. И ТАК ПОЧТИ КАЖДЫЙ БОЖИЙ ДЕНЬ!! Но самое кошмарное — это то, что, просыпаясь рано утром, ты думаешь: «Вот приеду домой после школы и отосплюсь». А ВОТ И НЕТ! Приезжаешь домой «как огурчик»!

Ещё одна проблема в том, что из-за такого плотного графика совсем не остаётся времени на личную жизнь. От этого портится настроение, начинаешь часто об этом думать и вообще... тяжело без своей второй половинки. Простите за небольшое лирическое отступление.

Интересно, из-за чего же всё это возникает? Как говорили мудрые китайцы, «умный ошибку ищет в себе, а дурак — в других». Ну что же, попробуем прикинуться

умными. В принципе, некоторых из перечисленных проблем можно избежать, чётко спланировав время и график работы. Но почему-то мне мама рассказывала, что в её время у неё не было всё так загружено. Стоит задуматься. Может, в её время жизнь не была такой сумасшедшей? Мама говорила, что они были точно уверены в завтрашнем дне. Увы, сейчас такого сказать нельзя. Если поразмыслить на эту тему, то можно прийти к довольно забавным выводам. Зачем мы так усердно учимся, стараемся больше узнать, ходим на курсы и т. д.? Ну конечно, чтобы быть умными, образованными, чтобы людям было интересно с нами. Но в первую очередь, чтобы поступить в институт. Ведь сейчас поступить в институт гораздо сложнее, чем было раньше. Высокий конкурс и т. п. Короче, мы должны пройти естественный отбор, другими словами — выжить. Т. е. мы пашем, чтобы выжить. Зачем нам надо поступить в институт? Чтобы стать ещё умнее и попасть на хорошую, высокооплачиваемую работу. А для чего? Опять же — чтобы выжить. То есть, сейчас, вместо того, чтобы наслаждаться детством (ведь говорят, что это самое лучшее время жизни), мы ВЫЖИВАЕМ. Когда я учился в моей прошлой школе, один мой друг сказал мне: «Что ты так пашешь, как лошадь? Наслаждайся детством, пока оно у тебя есть!» Сначала я не воспринял это серьёзно, а потом задумался и пришёл к выводам описанным выше: «Хочешь жить — умей вертеться».

Ну что же, я думаю, что на этом аккорде я закончу свою композицию. Глаза закрываются, мысли плохо излагаются, голова уже ничего не соображает. Вроде выписал всё самое главное, ничего не забыл... ■

(Ночь с субботы на воскресенье,
20 минут первого...) Павел К.

ВОСПОМИНАНИЕ О НАС И О «ВТОРОЙ ШКОЛЕ»

Черновики запоздалого сочинения ученика 9-11 «З» на свободную тему

(Окончание. Начало и продолжение читайте
в № 5, осень 2008 и в № 6, зима 2009)

Любое описание школьной жизни было бы явно неполным без упоминания весьма значимого для нас общественного института — института прогуливания. Почему прогуливать престижно — вопрос для педагогов и психологов. Сейчас для большинства из нас, я думаю, это не плюс и не минус, но в те годы прогуливание как таковое обладало высоким рейтингом, хотя серьезно кичиться им в голову никому не приходило и, тем более, пренебрежительно относиться к тем, кто не прогуливал никогда (а среди нас были и такие). В числе отчаянных прогульщиков-мальчишек, наверное, можно назвать Чикку, Яна, Коробова и меня, среди девочек «не слабо выступали» МалМухины.

Обычные места прогуливания — ресторан «Молодость», в самом начале Университетского проспекта, Парк культуры и отдыха им. Горького (особенно та его часть, которая и сейчас называется Нескучным садом — ближе к тогдашней Калужской площади, а ныне к площади Гагарина, — и где можно было резаться в настольный теннис) и, наконец, значительная часть ближайших кинотеатров (особенно в летний период Международных кинофестивалей). Из них, более всего подходящих для этой цели, должно вспомнить «Прогресс» на Ломоносовском проспекте (в его реконструированном помещении сейчас театр Армена Джигарханяна), «Аван-

гард» на Октябрьской площади (он давно снесен, а стоял на месте сегодняшней часовни и нового здания Французского посольства) и кинотеатр «Ударник», и сейчас примыкающий к знаменитому «Дому на набережной», мрачному герою повести Ю. Трифонова.

Кстати сказать, перед входом в Нескучный сад, на Ленинском проспекте, в здании сталинской архитектуры, которое существует и сейчас, находились помещения Института электронных управляющих машин Государственного комитета по радиоэлектронике (возможно, официально — «по радиоэлектронной промышленности»), где мы проходили программистскую практику. Специальная комиссия этого Института и выдавала нам сертификат «программиста второго разряда».

В первом издании «Записок о „Второй школе“» (с. 32–38) уже говорилось о причинах введения в хрущевские времена одиннадцатилетнего образования вместо прежнего десятилетнего, его скорой отмены и последствий этого мероприятия для школы. К этому можно добавить, что в вечерней школе всегда сохранялся тот же десятилетний период обучения. Поскольку мы заканчивали школу именно во времена одиннадцатилетки, сложившаяся ситуация касалась нас непосредственно: переводу из дневной школы в вечернюю обычно административных препятствий не было, и молодые люди и их родители оказывались перед выбором — продолжать образование в дневной школе, или продолжать и заканчивать его в вечерней. В пользу перехода в вечернюю

Слева направо: Витя Шохин, Витя Янов, Саша Щербаков

Сертификат «программиста второго разряда»

школу существовали, по крайней мере, три общих соображения. Во-первых, это могло дать выигрыш в год для поступления в вуз, что было особенно важно для мальчиков. Во-вторых, этот переход был связан с прекрасной возможностью улучшить результаты, в будущем отраженные в аттестате зрелости, причем можно было даже рассчитывать на получение золотой или серебряной медали, что давало привилегии при поступлении в вуз. Наконец, в-третьих, обучение в вечерней школе предполагало обычно устройство (пусть даже на очень кратковременную) работу, это, в свою очередь, позволяло период обучения в вузе засчитывать в трудовой стаж, а при поступлении в вуз сразу после дневной школы, без хотя бы минимального трудового опыта, обучение в вузе в трудовой стаж не включалось. Поэтому получалось так, что оканчивать вечернюю школу, даже если проучился в ней всего один — последний — год, рассуждая по-житейски, было выгоднее. Возможно, подобные соображения повлияли на решение после девятого или десятого класса перейти в другую школу у Лёвы Кобзона, Саши Чиколитина, Вити Шохина, Любы Богдановой и других.

Другое следствие — более деликатного свойства, и распространялось оно более всего как раз на выбравших дневное образование. До затяжного одиннадцатилетнего обучения наши предшественники покидали школу в 17 лет, в этом возрасте входя в новую учебную, трудовую и иную молодую жизнь. Однако не так было с нами. На 19-м году жизни мы практически каждый день еще входили в школьную дверь. На уроке физкультуры, на вечеринке, в походе, а то и рядом за одной партой, оказывались уже не совсем мальчик и девочка, а говоря биологическим языком, вполне «половозрелые особи» с естественными ожиданиями и интересами молодых людей. Последнее не замедлило привести к возникновению школьных романов. Силу обаяния и притяжения той, с кем сидишь в одном классе, эту «дрошь всех ветров» почувствовали и я, и некоторые другие мои одноклассники, но подобные увлечения, слава богу, не так часто заканчиваются фактом биографии. Не тут-то было! Памятуя о шутке, согласно которой, «хорошую вещь браком не назовут», выразимся несколько высокопарно: в разные годы три из школьных романов дали молодоженов — Червонобаб-Коробов, Розенфельд-Исаев и Красина-Шелов (это я). О других, не столь продвинутых, романах благо-разумно умолчим. Не могу утверждать, что если бы было 10, а не 11 лет обучения, то эти романы не закончились бы свадьбой, но что 11-й класс имел важное «семейнообразующее» значение — не сомневаюсь. Все перечисленные «послешкольные семьи» оказались недолговечными, но когда на праздновании 50-летия школы я спросил одного

Встреча нового 1962 года

На фото слева: Таня Лалаева, Лена Розенфельд

На фото справа: Инна Киселёва, Таня Красина и Лена Розенфельд

из упомянутых персонажей: «Ну, а если говорить о самом важном, то что тебе дала „Вторая школа“?», он коротко отшутился «Жену». Много позже, уже в 1987 г., образовалась еще одна семейная пара, Игорь Коклин и Инна Киселева, — пара, которая по долголетию уже превзошла все три предыдущие вместе взятые. При всех вариантах, согласитесь: восемь «женатиков» из одного класса, более его четверти — это что-то!

Из событий масштаба всей школы обязательно нужно вспомнить два затронувших наш класс важных эпизода. Оба связаны с деятельностью ЛТК, о котором уже немало говорилось в предыдущих изданиях. Однако, постановка «Города на заре» Н.А. Арбузова только упоминается, хотя она примечательна и тем, что поставлена была 7 раз и не только в нашей школе, но и на других сценах — в совсем новом тогда Дворце пионеров, в 52-й школе, школе-конкуренте по математическому образованию, и тем, что постановку пьесы просматривал, положительно о ней отозвавшись, сам автор пьесы, и тем, что она участвовала в конкурсе школьных спектаклей, причем на конкурсе была отмечена дважды: формулировкой «нешкольная пьеса» и — все-таки! — похвалой за постановку. Из нашего класса в самодеятельном спектакле участвовали Коля Исаев в роли Ивана Жмелюкова и Таня Лалаева в роли Оксаны, она также выполняла функции помощника режиссера. Из других исполнителей упомяну, со слов Исаича, других второш-кольников (часть из которых наши сверстники, а часть немножко моложе или старше нас) — Сашу Усова, Сашу Решмина, Серёжу Аврина, Таню Карташову, Веру Горкину, Тамару Меерову, Женю Лопатина, Сашу Хромцова, Надю Харину.

О бережном отношении к литературе и ее преподаванию много и справедливо писали в предыдущих изданиях

Таня Лалаева, Игорь Коклин и Лена Щетинина
Лето 1964 г. Под Звенигородом

записок о «Второй школе». По человеческой ценности и престижу среди школьных дисциплин литература, я полагаю, занимала твердое второе место после математики, неизбежно главенствующей в математической школе, хотя, рассуждая теоретически, это ниоткуда не следовало: место литературы вполне могла бы занимать физика, биология или, скажем, история. Дело здесь, думаю, не только в личностях сильных преподавателей литературы. Нисколько не умаляя их человеческого и профессионального мастерства, хочу сказать, что в то время как-то важно было быть начитанным (или хотя бы производить впечатление такового), многое знать и уметь сказать в этой области и, наоборот, было неловко и унижительно, не знать, кто такой Николай Ростов или, скажем, Шейлок. (Пусть читатель, которому в 2006 г. больше сорока, глядя на собственных детей или внуков сам оценит, как изменилась или не изменилась шкала этих ценностей). Может быть, поэтому одним из самых волнующих моментов школьной жизни была оценка наших сочинений, ожидание, с замиранием в душе, их разбора, когда И.С. Эбарский должен был похвалить, пожурить или обойти молчанием труд кого-либо из нас. Успех в математике неизменно относился к уровню способностей, успех в школьных сочинениях — к уровню личности. Сильными «авторами» в нашем классе были Таня Красина, Инна Киселёва, Люда Араманович, из мальчиков — Володя Лавров.

В этом же ряду ценностей размещалось и участие в школьных спектаклях, почему лично для меня даже более важным, чем постановка «Города на заре», стала упомянутая И.С. Эбарским в «Записках о „Второй школе“» постановка школьного спектакля «Филоктет» по пьесе Софокла. Постановщиком и режиссером был Владимир Владимирович Рогов, талантливый литератор и поэт-переводчик. Не знаю, как и почему у него родилась

идея поставить на школьной сцене античную трагедию, да еще и ни разу нигде не шедшую, — предприятие, мягко говоря, рискованное (по свидетельству И.С. Эбарского этому способствовал успех спектакля «Годы странствий» А.Н. Арбузова, но более он ничего об этом не сообщает). Зато хорошо помню вычеркнутые прямо по изданию в красном переплете куски текста «Филоктета», который для постановочного варианта приходилось менять и сокращать. Прекрасно помню также учтвого пожилого человека, обладавшего особыми, обращающими на себя внимание хорошими манерами, которого Владимир Владимирович раз или два приводил на репетиции. Им был поэт и переводчик Сергей Васильевич Шервинский. Долгие годы мне было странно, что при шапочном знакомстве в памяти сохранились именно его дворянски-безукоризненные манеры. Только недавно я понял причины этого, обратив внимание в Интернете на годы жизни этого человека: 1892–1991! Таким образом, ему, окончившему Историко-филологический факультет МГУ до Октябрьской революции, уже тогда было 70 (он выглядел намного моложе), его почтовыми корреспондентами были М.И. Алигер, А.А. Ахматова, Р.Н. Симонов, С.С. Аверинцев и другие яркие личности эпохи, а за его плечами, по-видимому, уже тогда были переводы поэзии Аббояна, Бараташвили, Бодлера, Вергилия, Гейне, Гёте, Софокла (в частности, и трагедии «Филоктет»), Еврипида.

В пьесе, которая начиналась словами «Вот и омывтый морем остров Лемнос», играли Саша Крючков (Неоптолем), Володя Демниченко (лазутчик), Жора Франгулян (Одиссей) и я (Филоктет). В организации спектакля, производстве декораций, костюмов и театрального реквизита принимала участие жившая со мной в одном доме еще одна второшкольница Женя Райская (я могу кого-то из участников не вспомнить и не назвать). По словам И.С. Эбарского («Записки о „Второй школе“»), спектакль состоялся 16 июня 1962 г. и, как мне показалось, прошел успешно, хотя, к сожалению, всего один раз. Столь короткая жизнь спектакля объяснялась некоторыми особенностями нелегкого характера Владимира Владимировича, которому было трудно ужиться с буднями школьной жизни и рутиной любого, пусть и творческого, производства. Впрочем, и мне, с моим юношеским максимализмом, казалось, что спектакль должен или пройти с триумфом или провалиться, а идея повторения спектакля казалась чуть ли не профанацией. Большой нелепости сейчас я и представить себе не могу, но тогда мои «революционные» организационно-театральные идеи явно не предполагали моих усилий по возобновлению спектакля. К тому же вскоре после спектакля я провинился. Вина состояла в том, что во время какого-то похода мы с Чикой и Исаичем оторвались от основной группы одноклассников, на день раньше неё прибыв к месту назначения и к тому же ночью не слабо «приняв на грудь», что не осталось незамеченным. Это

вызвало переполох и последующую разборку в кабинете у директора, на которой, кроме нас с Чикой и Исаичем, «разбирали» — но уже за какие-то другие прегрешения — ещё и МалМухиных. Защищал меня всё тот же Владимир Владимирович, который начал свою речь словами: «Я, конечно, не стану утверждать, что Шелов — ангел без крылышек». «Ну нет, почему же, — перебил его И.Я. Танатар, если уж ангел, то как раз с крылышками». Эта реплика в сочетании с реактивностью Владимира Владимировича породила взрыв, в клочья разлетавший идею должной и единодушной проработки провинившихся, ибо состав присутствующих педагогов тут же разделился на сторонников и противников существования ангелов без крылышек, и более оперативной задачей педсовета стало педагогически приемлемое удаление с него провинившихся, дабы те не стали свидетелями не совсем академического обсуждения этой нестрогой сформулированной задачи.

Как бы там ни было, спектакль, потребовавший значительного труда небольшого коллектива и на всю жизнь давший мне чувство блеска и нищеты театра, более не повторялся. Скорее всего, так и остался бы этот сценический опыт удачным одноразовым школьным мероприятием, канувшим в Лету, если бы не два обстоятельства. Во-первых, один из исполнителей в «Филоктете», Саша Крючков, стал в дальнейшем профессиональным актером на сцене, если не ошибаюсь, московского Театра юного зрителя. Во-вторых, в спектакле и его оформлении принимал участие второшкольник Жора Франгулян, который не был нашим одноклассником. Жора сразу после окончания спектакля, прямо тут же на сцене, подарил В.В. Рогову небольшую сделанную им из пластилина скульптуру Филоктета, победно поднявшего вверх свой лук, стоя одним коленом на щите Одиссея. Ныне Георгий Франгулян — заслуженный художник России, известный скульптор, победитель нескольких международных конкурсов и автор многих памятников, установленных в России и за рубежом. Среди них памятники Петру Первому в Антверпене, Пушкину в Брюсселе и Булату Окуджаве на Арбате в Москве — Булату Окуджаве, чей поэтический вечер состоялся тогда же, в начале 60-х, в нашей школе. Если Вы не видели этот памятник, но любите творчество Окуджавы, настоятельно рекомендую: сходите и посмотрите, в двух шагах от дома поэта, угол Плотникова переулка (где я жил до переезда в район «Второй школы») и старого Арбата. Недавно Жора мне признался, что увлечение скульптурой началось именно тогда — после пластилинового Филоктета.

Таковы пересечения путей и судеб.

УШЕДШИЕ

Горько говорить, что троих из нас уже нет в живых. В полном соответствии со статистикой, все трое — маль-

чики. Не дожив до двадцати двух лет, погиб один из самых талантливых наших одноклассников — мехматянин Володя Лавров. Он умер на операционном столе по нелепой случайности: операция должна была быть пустяковой, но у Володи оказалась абсолютная несовместимость с анестезией. Результат — отёк мозга, спасти его не удалось. Тогда, скорее всего, все мы даже из близких старших никого ещё не хоронили, не говоря уж о сверстниках, поэтому это был первый и, возможно, самый острый и тяжелый удар. И сейчас помню серый мартовский день, с медленно падающим снегом, когда каждая снежинка падает сама по себе... До сих пор группа знавших и любивших его ребят в начале марта приходит к нему на могилу, в молчании чувствуя, что приходят уже не только к Володе.

Столь же неожиданной через много-много лет оказалась почти мгновенная за рулем остановившегося на перекрестке автомобиля смерть Володи Демниченко. Только после этого некоторые из нас узнали, что за несколько лет до этого у него было шунтирование.

Позже чудовищной потерей стал для нас уход Вити Янова. Длительное время послешкольной жизни Ян входил в несколько, по-видимому, достаточно разных компаний и небольших кружков просто знакомых через него же лиц — от заведующего литературной частью одного из московских театров до сотрудника районной противопожарной охраны, от чиновника Госплана до сотрудника академического института, от энергичных представителей быстро нарождающихся и, как правило, моложе нас бизнесменов до друзей-ровесников его очень немолодого отца, соседей проживающих в глухой деревне Ярославской области. Успевая ежедневно работать в тогдашнем «почтовом ящике», прочитывать массу книг и быть готовым обсудить последние культурные или политические новости, он ещё оставался душой каждой из этих компаний — все время что-то обсуждал по телефону, что-то организовывал, кого-то с кем-то знакомил, устраивал на работу. Очень часто эта активность принимала формы участия в судьбе очередного бедолаги и сводилась к вытягиванию его из запойных, финансовых или просто житейских неурядиц. Он сделал много добра и для нас, своих одноклассников, в том числе для пишущего эти строки, но самым удивительным была даже не эта кипучая деятельность, а атмосфера ее совершенной для Витьки естественности и необходимости, — даже тогда, когда ко всем его болезням прибавилась и самая скверная — онкология.

Когда в мае 2001 г. его хоронили на Хованском, пришли, кажется, все наши. За многолюдным поминальным столом, накрытым после похорон в зале одного из ресторанов Ясенева, Люба замечательно спела Ц. Франка «Panis angelicus». Пение ясным классическим «a capella» в ресторанной обстановке прозвучало странно, застыли изумленные официантки, раздался и сразу стыдливо оборвался аплодисменты...

Лето 1962 года. На даче у Лены Ковалёвой

На фото слева: Тania Лалаева, Люда Араманович

На фото справа: Лена Розенфельд, Инна Киселёва

Мила Мухина, Лена Щетинина и Тania Лалаева

Тогда же я прочитал свои строчки:

В час раннего утра, в весенний,
Прозрачный, лазурный левкас
Наш лучший ушел собеседник
И, может быть, лучший из нас.

Он — третий из школьный когорты,
Чей вышел очерченный срок,
Заполнены клетки кроссворда
Линейкой рифмованных строк.

Но памяти мшистый колодезь
Пророчит прохладною створ,
Что встречу с ним и с Володей
Продолжится наш разговор.

Я уже говорил, что более сорока лет несколько человек из нашего класса не только поддерживали связь, но и дружили. Долгое время, так сказать, на равных дружили четверо — Исаев, Коробов, Ян и я. Но со временем центром притяжения стал именно Ян: встречи организовывал — он, с неизменной пунктуальностью поздравлял с днем рождения нас и наших родственников — он, сколько и чего «взять» из магазина — тоже не без него решалось. Полный неистребимого желания и умения сделать совершенно незнакомых людей друзьями или хотя бы приятелями, Витька, обладал уникальной способностью всех объединять, видеть в людях лучшее, не замечать худшего и быть влюбленным в друзей. Сейчас я думаю, что не видеть худшего — тоже плохо: после смерти Яна не все его тогдашние друзья повели себя достойно и по отношению к его родне, и по отношению к его памяти (это самое мягкое, что можно сказать в этой ситуации), но

ведь друзей, как и жён, не выбирают по рецепту героини гоголевской «Женитьбы»: «Если бы губы Никанора Ивановича, да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича...». Не выбирают. И именно поэтому сразу несколько моих однокашников — как об одном из итогов жизни — могут с гордостью сказать: «У меня был друг. Ян».

О НАС, ОКОНЧИВШИХ «ВТОРУЮ ШКОЛУ»

Из числа окончивших нашу школу сделали это с золотой медалью И.А. Киселёва, Б.О. Макаревич и Т. Лалаева, с серебряной — О.В. Ананьин, Г. Заботина, Т.Ю. Красина, В.Н. Лавров, Е.В. Червонобаб. Общее число медалистов составило, таким образом, 8 человек из 29, больше четверти выпускников.

Учитывая математическую ориентацию школы, приятно сообщить, что в год окончания школы поступили в МГУ на Механико-математический факультет Л.И. Араманович, М. Дунская, А.А. Коробов, Т.Ю. Красина, В.Н. Лавров, Б.О. Макаревич, Е.А. Малкова, Л.А. Мухина, Л.И. Пронина, Е.Ш. Розенфельд, В. Суханов, З. Шаталова; на Физический факультет — Л.Г. Богданова, Г. Заботина, И.А. Киселёва, Т.Г. Лалаева; в Московский физико-технический институт — А. Щербаков и А.В. Чиколени, который позднее закончил МВТУ им. Н.Э. Баумана. Все они — всего 14 человек (даже не считая Риты Дунской, Любы Богдановой, Саши Чиколени и Саши Щербакова, которые заканчивали другие школы), т. е. почти половина моих одноклассников — поступили в эти, по тогдашним меркам, самые престижные московские вузы.

Упомяну и другие высшие учебные заведения, в которые поступили свежеспечённые выпускники 11 «З». Так, поступили в Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана Н.И. Исаев, В.Д. Калинин, Е. Щетинина; в Московский институт инженеров транспорта — В.В. Янов; в Московский энергетический институт — Н. Дмитриевский, В.С. Демниченко, в Московский инженерно-физический институт — К.Н. Даниленко, Е.В. Червонобаб, в Московский институт электронного машиностроения — В.А. Шохин; в Высшую школу КГБ — О.В. Ананьин, И.А. Коклин, Е.Н. Неронов; в Московский автомеханический институт — В.В. Хачатурян; в Московский институт стали и сплавов — А.М. Трунцев (позднее он закончил Технологический институт пищевой промышленности); в Педагогический институт им. Ленина (факультет мне неизвестен) — Л.Д. Кобзон.

Два человека из класса поступили и закончили гуманитарные вузы Москвы: Институт иностранных языков имени М. Тореза (тогдашнее Отделение машинного перевода) выбрала Е.Н. Ковалёва, а Филологический факультет МГУ (тогдашнее Отделение структурной и прикладной лингвистики) — я; в этих двух последних случаях математика тоже не была забыта, ибо она была и в числе вступительных экзаменов, и в числе важнейших преподаваемых дисциплин.

Не со всеми одноклассниками сохранилась связь, но те, о которых мне хоть что-либо известно, закончили хотя бы один из московских вузов и имеют высшее образование, так что есть основания считать, что все мы с высшим образованием (некоторые имеют два высших образования, как, например, В.В. Хачатурян). Среди нас три доктора наук — Е.А. Малкова, К.Н. Даниленко и я и 7 кандидатов наук — Л.И. Араманович, Н.И. Исаев, И.А. Киселёва, А.А. Коробов, Б.О. Макаревич, Л.А. Мухина, Е.Н. Нейронов. К.Н. Даниленко, в настоящее время директор — главный конструктор (так странно звучит должность!) Института импульсной техники, имеет правительственные награды и ордена. Двое из одноклассников проживают за границей — Л.И. Араманович (Германия, Дармштадт) и Е.В. Червонобаб (США, город установить не удалось).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В школе нам настоятельно рекомендовали: «Перед тем, как сдать сочинение учителю, прочитайте его внимательно ещё раз, а лучше — два, и проверьте». Вот и проверяю. Масса недостатков: очень мало написано об учителях, ничего — о руководстве школы. Но это, быть может, позднее исправят мои друзья. А другое... Всё же, что осталось от тех школьных лет? Чем все мы, одноклассники, всё-таки отличались от своих сверстников? Математическими способностями выше средних? Наверное, но для учеников математической школы это ес-

На ВДНХ. Весна 1962 года

Первый ряд (слева направо): К. Даниленко, А. Чиколени, О. Ананьин, Л. Кобзон, И. Коклин, В. Янов, В. Демниченко, Н. Дмитриевский, (один из учеников класса «ж»)

Второй ряд (слева направо): Г. Заботина, Е. Розенфельд, И. Киселёва, Л. Араманович, Т. Никифорова, Е. Ковалёва, Э. Шаталова, Т. Красина, Т. Лалаева, Л. Богданова, Л. Пронина, М. Дунская, Ю. Чернобровкин, Е. Червонобаб, ??, Е. Неронов, И.Я. Танатар, А. Щербаков.

тественно и, как сейчас-то мы знаем, в жизни почти ничего не значит. Выбором профессии? Для некоторых из нас — да, но для большинства, пожалуй, — нет, да и это не так уж важно. Своими тогдашними крупными спортивными или олимпиадно-конкурсными достижениями? Кое-какие спортивные достижения, а также результаты на московских олимпиадах у моих одноклассников были: коренастый, с широкими плечами и мясистым лицом, симпатяга Лёвка Кобзон, получивший из-за этого прозвище Кобзонище, имел, как и положено, фигуру борца-классика и обладал первым разрядом по классической борьбе, Люба профессионально пела, о шахматных баталиях я уже говорил, у Риты Дунской, Саши Щербакова, Леши Коробова были неплохие результаты на мехматовских олимпиадах, но совсем сносшибательных выступлений, да ещё именно благодаря учёбе во «Второй школе» — не припомню, и, опять же, так ли это принципиально при ответе на поставленный вопрос? Двумя-тремя личностями, позднее прославившими страну? Как будто бы тоже нет...

И всё же, оглядываясь, понимаю, как важно, что не остались в будничном тумане прошлого эти три года жизни, и — как ответ на вопрос о школе — не осталось равнодушного пожатия плечами: «школа как школа». Сохранились школьные друзья, сохранилось желание написать то, что написано. И уж определённо навсегда останется мироощущение, которое точно передает положенное на музыку нашим современником С. Никитиным стихотворение Ю. Мориц «Когда мы были молодыми». Этого достаточно. За это спасибо классу. За это спасибо школе. ■

Сергей Шелов, выпускник 1964 года

КОРЕНЬ СОЛНЦА

Вы все, скорее всего, знаете, что есть на земном шаре такая страна — Япония. Кроме того, все вы знаете, что она расположена на островах в Тихом океане. Но есть множество интересных подробностей об этой небольшой стране, которые, к сожалению, не являются достоянием вторoshкольного общества. Этой статьёй я решил исправить данное недоразумение. Итак, сборник интересных и не очень сведений о Стране Восходящего Солнца:

- Японию традиционно считают маленькой страной, однако она почти не уступает по населению России (141 млн. в России и 127 млн. в Японии) и превосходит Германию как по населению, так и по площади.

- Сами японцы называют свою страну «Нихон», что примерно и значит: «место, где восходит солнце» (буквально «корень солнца»).

- Может быть, вы слышали, что у Японии, помимо Токио, есть древняя столица Киото, в которой расположен императорский дворец. А знали ли вы, что слова «Киото» и «Токио» получают друг из друга перестановкой иероглифов и оба значат «восточная столица»?

- Наверняка ни для кого из вас не является секретом фольклорный образ типичного одессита. Но вряд ли кто-нибудь знает, что у японцев есть своя Одесса — город-миллионер Осака, а точнее практически весь прилегающий кансайский регион. Кансайцев узнают по характерному диалекту, придающему их речи своеобразное зву-

чание.

- До середины XIX века нынешняя столица Японии Токио называлась Эдо и была местом проживания сёгуна (военного правителя Японии), хотя формально столицей не являлась.

- Нагасаки, знакомый вам по атомной бомбардировке Японии, был единственным открытым для иностранцев (а точнее, голландцев) портом на протяжении 300 лет — с XVI по XIX век. В это время любому иностранцу, находившемуся на территории Японии, грозила (и не только грозила) смертная казнь. Переход от полной изоляции к нормальным рыночным и политическим отношениям ознаменовался откровенным шантажом со стороны Америки в лице commodора Перри, революцией и гражданской войной.

- Япония — мононациональная страна. Кроме японцев, на территории страны проживают, пожалуй, только айны (аборигены японских островов) — и те на севере Хоккайдо.

- Японцы выделяют иностранцев (гайдзинов) в особый класс людей. Не особо удивляйтесь, увидев нечто вроде «в районе проживает N мужчин, M женщин и K гайдзинов».

- Японский язык многолик. Лексика и грамматика определяются тем, кто и с кем говорит. Есть японский мужской, женский и проч. В частности, с иностранцами разговор ведётся на специальном «гайдзинском» япон-

ском. А так как учитель психологически не способен общаться с гайдзинами на любом другом подвиде японского, то только ему вас и научат.

- Многие из вас когда-либо слышали замечательное японское слово «сакура». На самом деле сакура — это просто японская вишня, примечательная тем, что цветёт до появления листьев. Начало сезона цветения сакуры отслеживают по количеству цветов, появившихся на нескольких избранных деревьях и торжественно объявляют на всю страну.

- Более широко известное японское слово «камика(д)зе» состоит из двух корней — «ками» (бог) и «ка-зе» (ветер), т. е. «божественный ветер». Названы так лётчики-самоубийцы были в честь урагана, уничтожившего в своё время флот, который монголы отправили для захвата Японии.

- За один из самых южных островов Японии — Окинаву — во время Второй мировой войны шли ожесточённые бои. А теперь это популярный курорт и туристический объект.

- «Последними настоящими самураями» японцы называют Шинсенгуми — отряд военной полиции сёгуната середины XIX века. Между тем, самураев среди них можно пересчитать по пальцам одной руки. Да и те, что были, принадлежали к ронинам — самураям без хозяина и средств к существованию, кроме своего меча.

- Не все японские звуки можно записать русскими

буквами. Так, настоящей головной болью является весьма специфический звук — нечто среднее между «с» и «ш», — который от этого не становится менее широко-употребительным. В принятой на сегодняшний день системе Поливанова для него используется буква «с», что не всегда является оптимальным решением.

- Зато и японцы могут записать далеко не все русские слова. Во-первых, в японском языке нет звука «л» — они заменяют его «р». А ещё японская азбука — слоговая, так что после согласного обязательно должна идти гласная (исключение — «н») и им приходится насыщать иностранные слова звуком «у». Например: «пурофесионару» (профессионал).

- Традиционный вид отдыха у японцев — поездка на горячие источники (онсэны), причём широко распространено мнение, что «токийские деды» купаются чуть ли не в кипятке. Кстати, настоящий онсэн обязательно должен быть на свежем воздухе, так что купаться, скорее всего, придётся вместе с представителями местной фауны.

- Японцы очень трепетно относятся к лицу человека. По качеству лица они судят о качестве души. Ну а поцарапать японцу лицо — верный способ испортить отношения.

- На протяжении практически всей истории Японии на её территории мирно уживались две совершенно разные религии — синтоизм (местные языческие верования) и буддизм. А вот христиан до середины XIX века

преследовали как распространителей запрещённой в то время западной культуры.

- После Второй мировой войны Японии было запрещено иметь армию. Японцы легко обошли запрет. До 2006 года это называлось Силы Самообороны.

- Много заблуждений связано с японским словом «сенсей». Некоторые считают, что оно относится только к учителям боевых искусств, а некоторые думают, что оно выражает какое-то особое уважение. Однако в большинстве случаев «сенсей» — это «учитель» вообще. Сергей Васильевич — сенсей, Александр Дмитриевич — сенсей, Надежда Ивановна — сенсей, Сергей Иванович — сенсей, Анна Викторовна — сенсей, Илья Рудольфович — сенсей, Александр Ильич — сенсей и т. д. Кроме того, на «сенсей» обращаются к врачам.

- Японский учебный год начинается не 1 сентября, а 1 апреля. Летние каникулы у них длятся 1 месяц (август), а длинных трёхмесячных каникул нет вообще. Кроме того, в японских школах ежегодно проводятся такие непривычные российскому школьнику мероприятия, как школьная ярмарка, когда каждый класс, кружок и т. п. готовит какой-нибудь ларёк, дом с привидениями или вообще какое-нибудь мероприятие и спортивный фестиваль.

- Своеобразно японцы отмечают День Святого Валентина. 14 февраля девочки/девушки/женщины дарят мальчикам/юношам/мужчинам шоколад. Причём он (шоколад) бывает двух видов — по долгу службы (коллегам, одноклассникам) и по любви. Задача объекта — понять, что же именно ему подарили. Ну а месяц спустя — 14 марта — «Белый день», теперь мальчики дарят девочкам.

- В начале каждого года японских школьников перетасовывают между классами параллели. Правда, полное перемешивание происходит редко.

- У японцев развитый бюрократический аппарат. Так, например, военный для японца — это не человек, который стоит над картой и придумывает хитроумные планы, и тем более не человек, что-то там изображающий на поле боя. Военный (как и полицейский и многие другие) — это человек, который сидит за большим письменным столом и пишет отчёты в трёх экземплярах.

- В японском языке есть развитая система уважительных суффиксов. На «-сан» (кансайцы говорят «-хан») обращаются к сослуживцам, знакомым и вообще людям, примерно равным по социальному статусу. Примерный русский аналог — обращение по имени-отчеству. Суффикс «-сама» свидетельствует о высшей степени почтения. Так обращаются, например, к императору, богу (ками-сама), главе клана, сёгуну. А вот суффикс «-кун», наоборот, используется при дружеских отношениях. Кроме того, так часто называют мальчиков (маловат ещё для «-сан»). Ну а аналогом уменьшительно-ласкательных суффиксов у японцев служит «-тян». Так обращаются к маленьким детям и девочкам.

- Уважение к собеседнику может доходить до абсурда. Представитель компании на переговорах будет распространяться о том, как у них всё плохо и вообще компания ещё жива каким-то чудом, представитель рабочих перед начальником будет рассказывать, как никто не работает и что всех надо увольнять немедленно, а сосед в красках опишет вам, какой дурак его сын. Это вовсе не означает, что компания на грани банкротства, рабочие

обленились до безобразия, а сын у соседа умственно отсталый. Просто так принято. Более того, если вы рискнёте высказаться в духе «да, всё у вас не как у людей», вы можете остаться непонятым.

- У нас принято молчать, когда говорит собеседник. Японцы же обязательно периодически сигнализируют о том, что они ещё живы и внимательно слушают.

- Японцы любят снег. Первый снег считается событием, на его фоне фотографируются, он служит источником неисчерпаемой радости для ребятни. Вероятно, дело в том, что снега у них не так много.

- Одной из традиционных деталей японской кухни являются «онигири» — дословно рисовые шарики. И всё было бы хорошо, не будь они треугольными.

- В традиционных японских домах не так много места, а потому кровать там — непозволительная роскошь. Спят японцы в специальных «мешках» — футонах, которые утром аккуратно сворачивают и убирают в шкаф. Теперь на том же месте можно поставить столик и работать (сидят японцы при этом на полу), или приспособить его для каких-либо других целей. Очень удобно и практично.

- Во всё тех же традиционных японских домах вместо стен — бумажные перегородки. Только не спрашивайте, как они там зимой живут.

- Площадь квартир японцы меряют не в квадратных метрах, а в татами. По мере приближения к Токио размер татами падает, а стоимость растёт. Собственно, сами татами — это соломенные маты, которыми выложены полы во всё тех же традиционных японских домах.

- Одним из любимейших японских деликатесов является фугу, блюдо из некоторых рыб вида иглобрюхих, содержащих, между прочим, сильнейший яд нейрорепаралитического действия тетродотоксин в смертельной дозе. Поэтому для приготовления фугу необходимо иметь специальную лицензию. Однако с 2004 по 2007 годы от этого деликатеса погибло 15 человек и было госпитализировано 115. Несмотря на это, японцы — вот она, нация, подарившая миру камикадзе! — продолжают его потреблять в больших количествах.

- Трудно объяснить, почему так, но японцы говорят по-английски с акцентом, удивительно похожим на русский.

- Японцы очень требовательно относятся к внешнему виду еды. Он едва ли не важнее, чем её вкус. Только японцы могут фотографировать свои обеды (а точнее, «бенто» — однопорционная упакованная еда) и выкладывать фотографии в Интернет.

На этом я завершаю эту небольшую статью о нашем восточном соседе. Я не надеюсь, что все второшкольники вдруг заинтересуются Японией. Но если из тысячи учеников Лицея сотня купит журнал, 10 прочитают мою статью и заинтересуются, я буду вполне удовлетворён результатами своего труда. ■

Иван Тимохин, 9 класс «В»

МЫ ИЗ БУДУЩЕГО

Около года назад я посмотрел фильм «Мы из будущего». В нем рассказывается о четверке «черных следопытов» — молодых людей, которые имеют познания об истории Великой Отечественной войне и ведут раскопки в том самом месте, где 60 лет назад шли тяжелые бои. Но они делают это только для того, чтобы потом продать найденные медали, ордена, документы и немецкое оружие. Однажды начинает происходить нечто странное: в найденных солдатских книжках они вдруг обнаруживают свои фотографии. Ребята пугаются, не могут ничего понять, чтобы прийти в себя, отправляются купаться в озере и... попадают в 1942 год, в самый разгар тяжелых боёв. Они приходят голыми, без документов, им приходится доказывать, что они не дезертиры и не шпионы, а люди из будущего. Конечно, им никто не верит, и все считают, что у них помрачение рассудка из-за сильного стресса после тяжелого боя. Им выдают новое обмундирование и оружие, которым они толком и не умеют пользоваться.

Четыре абсолютно разных парня попадают на страшную и жестокую войну, в условия, к которым они совершенно не готовы. Сначала они ничего и не испытывают, кроме страха, но постепенно, общаясь с другими людьми, видя их мужество, подвиги, они начинают меняться, пересматривают свои взгляды на жизнь. Им очень нравится веселая и симпатичная медсестра, которая, как они знают, погибнет, спасая других. Ребята становятся более сострадательными и человечными и после того, как они возвращаются в настоящее, уже смотрят на мир другими глазами, по-другому воспринимают все, что относится к войне, к свастике и неофашистам.

Мне фильм понравился, в нем много действий, событий. История фантастическая, но в нее веришь. ■

Никита Богатырев, 7 класс «Б»

КРИК

- А ты слышишь, какие странные вещи нашептывает ветер? Посмотри, как дрожат осиновые листья.
- У нас живая планета.
- Ты писал о чтении между строк.
- Да...
- Может быть, здесь, в саду, тоже что-то прячется "между строк".
- Природа полна загадок, это точно. А мы с тобой ведём речь о звёздах на небе.
- Скоро появятся водяные звёздочки.
- Да, так ты в детстве называла светящийся планктон. И была отчасти права, потому что и планктон, и все прочие организмы составлены из элементов, некогда слившихся вместе в недрах одной звезды.
- И мы тоже?
- Да, мы тоже частицы звезды.
- Красиво звучит.

Юстейн Гордер, «Мир Софии»

`Space,` it says, `is big. Really big. You just won't believe how vastly hugely mindbogglingly big it is. I mean you may think it's a long way down the road to the chemist, but that's just peanuts to space. Listen...` and so on.

The simple truth is that interstellar distances will not fit into the human imagination.

Douglas Adams, `The Hitchhiker's Guide to the Galaxy`

Сначала была пустота. И в этой пустоте — всё.

А потом был взрыв. Самый сильный, какой знает мир.

И началось время.

Материя сжималась в звёзды, они сжигали и сжигали себя — до предела. И умирали. Их атомы путешествовали в пространстве и времени, пока не становились частью газопылевого облака, в котором зарождалась новая звезда.

И так было миллиарды лет, пока на периферии обычной спиральной галактики в центре такого облака не появилась среднестатистическая звезда. Из остатков облака, вращавшихся вокруг неё, частичка за частичкой сложились шарообразные тела.

И на одной из этих планет что-то произошло — какая-то реакция, уникальная в безграничности космоса.

И зародилась жизнь.

ТОЧКА ОПОРЫ

Дорогие читатели!

Перед Вами страницы из первой книги моего детства — «Точка опоры». Автор прошел путь от солдата до генерала. Все важные этапы пути были так или иначе связаны со спортом.

Генерал-полковник, Герой Советского Союза, мастер спорта СССР Г.В. Бакланов рассказывает о спортивных событиях послевоенных лет, о становлении советского спорта, а также о военных действиях.

Дед ничего не говорил мне о войне. Лишь спустя годы я могла читать и перечитывать его мемуары.

Предлагаю и вам познакомиться со строками из этой книги.*

*Вера Геннадьевна Введенская,
преподаватель английского языка*

«Стать сильным! Как это было бы здорово!

Нет, не только для того, чтобы проучить своих обидчиков, хотя это тоже очень, очень заманчиво. А просто хорошо бы стать таким сильным и ловким, как мальчишки из старших классов нашей школы. Или как те паренки, которых мы видели на пустыре возле Кадетского парка. Они назывались трудным словом «всеобучисты» и занимались самыми разными вещами: бегали, прыгали через рвы и канавы, ползали по жухлой и пыльной траве пустыря, выполняли гимнастические упражнения и строили пирамиды.

Мы замечали, что сначала все это получалось у них не очень хорошо. Многие падали с бревна, по которому надо было не бежать, а спокойно идти, раскинув руки в стороны и подняв голову, будто идешь прямой дорогой к солнцу. Подтягиваясь на турнике, некоторые дрыгали ногами и извивались всем телом так, словно собаки хватали их за ноги.

Но через несколько недель, загоревшие и обветренные, они легко и уверенно выполняли все, что от них требовал высокий военный, инструктор.

Чувствовалось, что им самим нравится быть сильными и ловкими. Они заметно старались превзойти друг друга, но в то же время охотно помогали тем, кто был послабее.

* Точка опоры / Бакланов Глеб Владимирович. — М.: Мол. гвардия, 1971.

А потом появились люди.

Они назвали свою планету Землёй, а окружающее — небом. Они придумали имя имени. Они пытались осмыслить всё, и назвали всё — пространство и время — Вселенной.

И шло время, пока не появились мы.

А может, сначала был Бог. И сотворил Он землю за семь дней, и населил её животными и растениями, и создал Адама, а из ребра его — Еву. И изгнал Он их за грехи их из Рая, и лишил их вечной жизни. И потомки их населяют планету.

А есть люди, кто верит в другое — в огненное колесо Шивы и теории панспермии, в других богов и другую науку.

Кто теперь может сказать, как было? Кто может восстановить прошлое Вселенной? Кто может хотя бы представить её настоящую?

Кто мы? Частицы распавшихся звёзд? Потомки Адама и Евы? Роботы, живущие механически? Животные, ведомые инстинктами? Обезьяны, вставшие на задние лапы?

Как мы можем существовать — все вместе и каждый по отдельности — если вероятность этого невообразимо, бесконечно мала? Изменилась бы Вселенная вне Земли, если бы нас не было?

Зачем мы так сильно меняем нашу планету? Что это — отчаяние конечной жизни? Ошибки? Просто бессознательная глупость? Все эти проявления равнодушия — от мировых войн до мелких пакостей — почему они вообще есть? Как мы могли это допустить?

И как нам это исправить? Как мы должны жить? Что обязаны сделать?

И что будет с нами и нашей планетой? Какое наказание готовит жизнь людскому роду?

Может, Земля утонет в войне. И её последними пейзажами будут пустынные поля сражений, исчерченные взрывными волнами и вспышками ядерных бомб.

Или где-то в глубине Вселенной несётся астероид, который пересечёт орбиту Марса — и не разминётся с Землёй.

Или материки покроют воды растаявших полярных шапок, поставив точку в теории глобального потепления.

Или, даже если вдруг люди сами не убьют свою планету, это сделает стареющее Солнце. Оно будет разрастаться, пока не займёт почти всё небо, и превратит Землю в пустыню — безжизненную пустыню.

И вполне вероятно, что мы будем там, когда умрёт планета. Не мы как род — мы как живущие сейчас. Наше поколение — кто знает? — может оказаться последним.

Или мы будем жить — просто жить, как все. Но как можно просто жить, зная, что мы способны жить вечно и вечно изменять мир? Мы ведь живы... ■

*Саша Васильева,
8 класс «А»*

Парад физкультурников на Красной площади. 1940

Не раз в Сокольниках мы видели гимнастические выступления и соревнования по легкой атлетике. Большую зависть у нас вызывали не только четкое выполнение упражнений и настоящая спортивная техника. Главным, пожалуй, было то горение, если так можно выразиться, которое отличало всех участников выступлений и соревнований. Их лица светились, как нам казалось, совершенно особым энтузиазмом людей, которые не только сами получают от своей деятельности радость и удовлетворение, но и убеждены, что доставляют удовольствие всем окружающим.

Так это было и на самом деле: несмотря на трудности того времени, зрителей и болельщиков собиралось много, смотрели жадно, болели горячо, и только иногда какая-нибудь проходившая старушка, истово крестясь, шепелявила:

— Бесстыдники голоногие, безбожники, стыд потеряли!

Нам же физкультурники и спортсмены нравились очень. И когда они, проходя по улицам стройными рядами, громко чеканили: «Старому быту гроб! Даёшь физкультуру и спорт!» — мы верили в их всемогущество и, хотя не очень понимали, что входит в понятие «старый быт», но готовы были помогать загорелым парням и девушкам в коротких трусах вбивать гвозди в крышку того самого гроба, которым они грозили старому быту».

«В июле 1942 года я был занят переформированием своей бригады в стрелковую дивизию и утверждён командиром.

1 августа 1942 года, в день своего 32-летия, я совершенно неожиданно был вызван в Москву для участия в антифашистском митинге спортсменов, назначенном на второе число. По приезде в Москву заехал к матери, которую не видел уже несколько месяцев.

Много лет спустя на одной из московских выставок моё внимание привлекла небольшая картина «Мать солдата». Едва я увидел её, в лице пожилой женщины, изображенной художником, мне почудилось разительное сходство с моей матерью.

Я пригляделся. Нет, в чертах лица никакого сходства не было. И все-таки оно было в тревожном, но твердом выражении глаз, в печальных морщинках, слегка опустивших уголки рта, в натруженных добрых руках. Именно такой я увидел мать августовским утром 42-го года, когда она встретила меня на пороге своей квартиры.

Она стояла молча, не решаясь поверить, что видит меня живым и невредимым. Потом лицо её ожило и посветлело, будто откуда-то на него упал солнечный луч. Она протянула ко мне руки:

— Глеб!

Я шагнул ей навстречу и не обнял, а удержал на руках, потому что худенькое тело мамы вдруг качнулось и начало опускаться на пол. Огромная нежность вдруг захлестнула меня, нежность к бесконечно родному человеку, который когда-то, в далеком детстве, был для меня такой же надёжной опорой и защитой, какой я теперь чувствовал себя по отношению к моей постаревшей, обессиленной от радости матери.

А она, вцепившись руками в гимнастерку, прижимала к моей груди мокрое от слёз лицо и беззвучно шевелила губами, силясь сказать слова, рождённые тревогой и горем военных ночей.

В прихожую вошла сестра.

— Глеб! — радостно воскликнула она. — Какой же ты молодец. Вот это подарок всем нам к твоему дню рождения!

Я провёл с родными около часа и был благодарен судьбе за то, что она подарила нам радость этой встречи.

День прошёл в подготовке к предстоящему митингу. Я долго пробыл в ЦК ВЛКСМ. Потом продумывал своё завтрашнее выступление, вспоминая фронтовые эпизоды, о которых хотел рассказать участникам митинга.

Ночевал у мамы. Ночью, во сне, уже видел завтрашнее утро, белые с золотом стены Колонного зала Дома Союзов, красные знамёна на сцене и длинный стол президиума.

На следующий день всё было именно так. И все же не так. Ни во сне, ни наяву до этого дня я не знал такого глубокого волнения, которое почувствовал, когда поднимался на трибуну в до отказа переполненном зале. Он был наэлектризован. Он кипел и беззвучно бурлил гневом, страстью, любовью — всеми чувствами, которые всколыхнула в сынах Советской страны беспримерная борьба с фашизмом». ■

С РАСПАХНУТОЙ ДУШОЮ

НАЧАЛО

В улыбке — всё очарование.
И тайны здесь, пожалуй, нет,
Что в блеске глаз звучит признание,
В прикосновении — ответ.

И всё становится понятно,
Хотя не слышно было слов.
Пусть чувство вечно, необъятно,
Язык его совсем не нов.

И легкость первого свиданья,
И радость глубины души.
Уже не нужно оправдания...
Нежнее, только не спеш!

Беги, беги с распахнутой душой.
Дорога так узка, смотри не оступись.
Пока так смело молодость с тобою —
Взгляд лишь вперед, а планка — только ввысь.

Ты будешь слышать только «стоп» и «снято»,
Но дублей делать здесь никто не даст.
Раз нет кольца, то значит — нет возврата.
Всё серо. Только черный — как контраст.

Пусть непонятно — что же делать дальше
И как прожить сейчас остаток дня,
Не утонув в сомненьях, страхах, фальши...
Ты вспомни... ты подумай про меня.

ПРОЩАЙ

Прощай... Прощаться — это больно,
И я не знаю, что сказать.
Наверно, что с меня довольно.
Меня не надо провожать.

Я уйду по пыльным переулкам,
По порванным страницам старых книг.
Лишь стук шагов в ночи раздался гулко...
Не обернусь, не задержусь на миг,

Не захочу я к прошлому вернуться,
Вновь посмотреть цветной забытый сон.
Бегу вперед, мне только бы очнуться!
Прости меня, ведь ты был ослеплён.

Пойми, с меня, наверно, хватит
Читать лишь скуку в отраженьях глаз.
А за ошибки нам лишь рок заплатит.
Прощай... мы дописали свой рассказ.

Катя Ларшина, 10 класс «А»

Ты нежно держал меня за руку, когда мы шли по набережной, любуясь отраженными в воде огнями ночного города. Ты писал мне письма и вкладывал их в букеты моих любимых цветов. Ты легко брал меня на руки и кружил, кружил в парке среди падающих осенних листьев. Ты присылал мне sms с признаниями в любви в три часа ночи — десятками. Ты целовал мои закрытые глаза и кончики пальцев. Ты не обращал внимания на круги под глазами — ведь часто я не спала ночи из-за тебя. Ты обнимал меня так осторожно, будто я сделана из хрусталя, но держал так крепко, что я всегда чувствовала надежность твоих рук.

Я тонула в твоих глазах и забывала всё на свете рядом с тобой. Я шептала тебе на ухо глупости, но ты слушал их внимательнее, чем самые важные новости. Ты возникал ниоткуда в самый нужный момент, и я не могла не улыбаться тебе. Ты терпел мои опоздания и не задерживался никогда ни на минуту. Ты терпел мои ревнивые упрёки и всегда верил мне. Ты прощал все самые досадные недоразумения и сам был безукоризнен. Ты читал мне самые красивые на свете стихи, вместе мы смотрели только очень хорошие фильмы.

Твой запах сводил меня с ума и никогда не надоедал. Я хотела быть рядом с тобой каждую минуту. И чем ближе мы были, тем сильнее хотелось сблизиться ещё. Мы были идеальной парой. Были бы, если б ты существовал. ■

Катя Ларшина, 10 класс «А»

ТО САМОЕ ЧУДО

День на границе зимы и весны...

Обыкновенный школьный день подходит к концу. Он был насыщен разными событиями. Прошли и контрольная по химии, и диктант по географии, даже самостоятельную по новой теме на геометрии умудрились написать. С девяти утра все трудились, не покладая ручек и карандашей, выкладываясь, насколько это возможно.

Но вот канул в Лету последний урок. Медленно тикают стрелки часов, а ты в полудреме и сладостном ожидании звонка слушаешь лекцию по хитрому предмету, а может, увлекательный рассказ на литературе или повествование о жизни наших предков на истории...

Но вдруг краем глаза замечаешь, как меняется кабинет. Он наливается новыми, тёплыми красками. В последний месяц, тянувшийся как год, пейзаж за окном ничем не радовал глаз, но в эту минуту улица кардинально меняет свое обличье, и даже полузамёрзшие лужи и грязный снег преобразуются в солнечном свете, унося твои мысли далеко-далеко, туда, где, может быть, уже лето и теплое море. Вот уже яркий луч первого весеннего солнца пронзает зрачок, а по сердцу начинает разливаться то приятное ощущение, которое мы испытываем в предвкушении чуда. Да так оно и есть, то есть весна — и есть то самое чудо. ■

Елена Дорохина, 8 класс «Г»

21-й КАБИНЕТ

Что такое 21-й кабинет? Это уютный кабинет на втором этаже, где тебя (как минимум) напоят чаем. А как максимум — помогут в разрешении многих жизненно важных проблем: от просьбы дать пластырь до решения задач почти мирового масштаба. Кроме всего прочего, «21-й кабинет» — это рубрика в нашем второшкольном журнале «Голос», где теплые и душевные Ирина Владимировна, Юлия Сергеевна и Мария Евгеньевна (наши линейские психологи) помогут тебе найти ответы на почти любые вопросы. Приходите! Пишите! Будем рады помочь!

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТРАХА, или КАК ПРАВИЛЬНО БОЯТЬСЯ

Страх, тревога, боязнь, волнение — это нормально, это бывает у всех, только проходит по-разному и в разное время. Каждый за собой это знает. Бояться можно и нужно бояться, только надо делать это правильно, так же, как писать грамотно, как кататься на роликах с вертком, машину водить без аварий.

Страх не зря существует в природе. Его функция — предостеречь нас от опасностей, угрожающих нашей жизни. А еще он помогает поднять жизненный тонус, сосредоточиться на самом важном и, собрав волю в кулак, сделать все быстро и эффективно. И тогда страх может быть нашим помощником.

Но иногда мы боимся своего страха. Когда-то, может быть, и на самом деле чего-то испугались. Потом причина прошла, а страх остался и запомнился. И вот теперь мы боимся пугаться, поэтому и пугаемся. Боимся бояться — а оттого и боимся так, что и совладать с этим не получается... Что же делать тогда?

Во-первых, нужно разрешить себе волноваться и опасаться. И дать себе возможность подумать: почему и чего я действительно боюсь. И сделать вывод — насколько сильно стоит этого бояться.

Во-вторых, не надо считать постыдным открыто показать свой страх другим, будь это папа, мама, учитель или приятели. «Да, я боюсь, но я не боюсь это показать. И когда-нибудь я перестану бояться!» Такое признание сразу делает человека намного смелее: «Вот — я чувствую и я знаю, что страх есть. Вот он, страх, на виду, и сейчас мы будем с ним разговаривать, будем его приручать».

В-третьих, чтобы страх работал на тебя, нужно дать ему время. Например, перед выступлением с докладом ты очень волнуешься. Так вот перед самым выходом нужно дать себе десять-пятнадцать секунд. За это время сделать

три глубоких вдоха и выдоха, а потом освободить свое тело от напряжения — расслабить мышцы лица, шеи, рук и ног, спины, живота... Заставляя себя дышать, мы запускаем природный механизм поддержания жизни и посылаем организму сигнал: «Я жив! Я сильный! Я еще поборюсь!» И кроме этого, мы даем возможность насытить головной мозг кислородом, чтобы он лучше функционировал. Волнение не пройдет, но станет поменьше. Подыши ровно и глубоко. Не нужно добиваться полного спокойствия и ждать, что страх совсем исчезнет, пройдет. Так и будет, но постепенно. Страх сначала уменьшится, утихомирится. Он перестанет мешать, а через какое-то время начнет даже помогать — это будет тогда, когда страх превратится в простое и всем знакомое эмоциональное возбуждение, в то волнение, которое человеку нужно.

В-четвертых, нужно сосредоточиться на том, что делаешь, что говоришь; отвлечься от мысли, что тебя слушают или на тебя смотрят.

В-пятых, нужна тренировка. Нужно взять за правило: обязательно делать то, что делать боишься. Но начинать можно не с самого страшного, а потихоньку приближаясь к нему. Делай это великое множество раз. Тому, кто боится прыгать в воду, нужно прыгать, прыгать и прыгать — появляется привычка и утихает страх! Тому, кто боится выступать, нужно выступать при каждом удобном случае, выступать по каждому поводу, выступать без поводов создавать нескончаемую череду выступлений. И каждый экзамен нужно воспринимать как репетицию для следующих экзаменов — это ведь правда, если подумать. ☺

Главный экзамен у нас только один — жизнь, целая жизнь. Не ошибается тот, кто ничего не делает.

И в-шестых: только проснувшись, ещё даже не открывая глаз, как минимум три раза подряд сосредото-

ченно можно повторить про себя или вслух: «Я СМЕЛ И УВЕРЕН, МНЕ ЛЕГКО ГОВОРИТЬ, ЛЕГКО ДУМАТЬ, Я ПРАВЛЮСЬ СЕБЕ». То же самое повторить вечером в постели перед сном. И так каждый день.

Мы перечислили несколько способов-рецептов приручения страха. Есть и другие. А ты можешь придумать свои собственные, может быть, ещё более эффективные. Для этого нужно всего лишь немного понаблюдать за собой, поверить себе и в себя! И все получится! ■

Лицейские психологи

Уверенность в себе рождается...

- ...когда мы знаем, что мы несовершенны, но способны понимать, что такое совершенство.
- ...когда мы знаем, что должны делать чистыми и ясными наши мысли и чувства, даже если для этого нам придется узнавать, какие мы на самом деле, в любое мгновение жизни.
- ...когда мы знаем, что добраться до цели можно лишь в том случае, если постоянно делать много шагов к ней.
- ...когда мы знаем, что действие лучше бездействия, а взятые на себя обязательства предпочтительнее безразличия и апатии.
- ...когда мы знаем, что на пути любая неудача — это урок, а каждый успех — счастливо преодоленное испытание.
- ...когда мы знаем, что как бы нас ни хвалили или критиковали, ни критика, ни похвала не будут для нас важнее оценки, которую даст нашим действиям наше собственное спокойное сознание.
- ...когда мы знаем, что чудесно жить вместе с другими людьми, но не ждем, чтобы другие всё делали за нас, и не отвергаем ничьей помощи из гордости.
- ...когда мы знаем, что, встречая человека, в чём-то превосходящего нас, мы должны не впадать в депрессию, сравнивая себя с ним, а брать с него пример; а встречая человека, которого в чем-то превосходим мы сами, видеть в нём то, чего мы должны избегать, и не хвастать перед ним тем, чем обладаем.
- ...когда мы знаем, что, как и у всех людей, у нас, в нашей жизни, есть отправной пункт и место назначения, что у всех наших повседневных дел есть своя причина, необходимость и конечная цель.
- ...когда мы знаем, что ещё не всё в этом мире написано и поэтому мы можем добавить несколько собственных слов в Книгу Жизни. ■

Делия Стейнберг Гусман

Искусство слушать

Тот, кто слушает только самого себя, кто ценит только собственное мнение и упивается звучанием собственного голоса, кто не придает значения существованию других людей и использует их лишь как экран для отражения своих слов, — тот никогда не сможет ни поддерживать разговор с другим человеком, ни завязать с ним простых, добрых отношений.

Надо уметь слушать. Для этого не нужно становиться молчаливым и замкнутым, а нужно активно пользоваться чудесной способностью, даруемой умением слушать, — уважать того, кто перед нами, кто ищет общения так же, как мы сами.

Уметь слушать — это искусство. Искусство быть внимательным; ценить то, что нам говорят другие, понимать, почему они говорят нам именно это; так же внимательно и ясно читать по глазам собеседника, безмолвно помогать ему жестами, выражением лица, которые свидетельствуют о нашем живом участии в диалоге.

Уметь слушать — значит уметь соотносить с чем-то свои мысли и благодаря этому проверять, насколько они весомы.

Уметь слушать — значит уметь вступать в беседу в нужный момент, не прерывая грубо собеседника и не пропуская мимо ушей его слов; отвечать на то, что он сказал, плести нить разговора разумно — так, чтобы разговор имел смысл, то есть начало, середину и завершение.

Уметь слушать — значит понимать и быть понятым.

Тот, кто способен вести разговор, искусно чередуя свои высказывания с высказываниями других, кто слушает других так же, как самого себя, и даже еще внимательнее, — тот умеет в каждую минуту жизни и в каждом уголке собирать подлинные сокровища. Умение слушать развивает наблюдательность, терпение, уважение к другим и способность мыслить.

Уметь слушать — это лучший способ научиться говорить. ■

Делия Стейнберг Гусман

Информация взята из журнала «Человек без границ»
<http://www.manwb.ru/>

Психологические семинары

А. Э. Колмановского «Поведение в проблемных ситуациях» проходят по субботам в 16.00. Ждём учителей и родителей в 45 кабинете Лицея.

ЖИЗНЬ ПОБЕДИВШИХ В ЭТОЙ ВОЙНЕ

К Великой Отечественной войне в нашей семье особое отношение. Так как и моя бабушка, и мой дед имели к ней самое прямое отношение. Оба очень достойно прожили трудную жизнь, в которую вплелась война, оба своим трудом и испытаниями приближали победу нашей Родины.

Дед, Деменев Василий Афанасьевич, добровольно пошел на фронт, ещё не достигнув восемнадцати лет. Он очень хотел быть лётчиком, прошёл медкомиссию, но, увы, набор в лётное училище был закончен. Ему предложили пойти в пехоту, и он согласился. Некоторое время спустя, заметив его способности в военном деле, деда спросили, хочет ли он быть командиром ОШР-5, и получили согласие... А ведь дед даже не знал, как расшифровывается ОШР-5 (отдельная ШТРАФНАЯ рота номер пять!). Сам дед штрафником не был.

Итак, мой дед, сражаясь во главе штрафной роты на волховском и ленинградском фронтах, участвовал в ожесточённых боях, в том числе в одной из самых кровопролитных битв на Синявинских высотах и был удостоен ордена Александра Невского за грамотное и хорошо спланированное проведение операции по освобождению города Выборг. Этот орден ему вручал лично Рокоссовский и перед строем солдат произнес: «С таким командиром в бой идти не страшно!»

Дед начал младшим лейтенантом, а к концу войны стал капитаном. Через много лет после войны ему дали звание майора. Получил 11 медалей и 6 орденов. (Орден польской республики за храбрость он не смог получить по причине потери документов.) После войны его, деревенского парня, за его способности направили в Москву учиться в военной академии им. Фрунзе. Но он предпочёл вернуться домой к приёмным родителям — старикам, воспитавшим его.

Бабушка, Деменева Раиса Николаевна, в годы войны окончила Свердловский педагогический техникум, после чего была отправлена воспитателем в детский дом, куда привозили детей из блокадного Ленинграда. За доброту и ласку её очень любили дети. Всю свою жизнь она посвятила воспитанию детей, работая в школах и интернатах. Как способного педагога, её направляли на работу в «Артек», но она, как и дед, не захотела покидать родное село. У себя на родине она пользовалась большим уважением. Имела награды и благодарности. О ней писали районные газеты, ей была посвящена одна передача на радио.

Жизнь дедушки и бабушки — достойный пример жизни людей, победивших в этой войне, спасших нашу Родину! ■

Глеб Синяков, 8 класс «Г»

НЕТ НА СВЕТЕ ТАКИХ СЛОВ

Великая Отечественная война — наверное, самое тяжёлое испытание, которое выпало на долю русского народа. Она коснулась каждой семьи. Невозможно описать словами, какое количество бессмертных подвигов совершили советские солдаты. Это нельзя измерить, нет на свете таких слов, которыми бы можно было это оценить.

Если в обыденное мирное время в жизнь людей врывается война, то очень трудно представить себе, сколько горя и боли она приносит. Наш народ перенёс много страшных и очень жестоких войн, но никогда не опускал головы перед врагом и стойко преодолевал все невзгоды и несчастья. Великая Отечественная война стала настоящим испытанием для многих народов и стран, а для России особенно.

Не обошла война и мою семью. В Великой Отечественной войне участвовали оба моих прадеда. Один из них был убит весной 1945 года под Кёнигсбергом в самом конце войны. Второй был серьёзно ранен в августе 1943 года и отправлен в госпиталь. К несчастью, его не стало, когда мне было около семи лет, и я очень плохо помню те немногочисленные истории, которые он мне рассказывал в детстве. Прадед не любил говорить о войне. И это понятно, люди, которые пережили эти ужасы, стараются пореже о них вспоминать.

Исторически повелось, что война — это дело мужское. Но она не обошла стороной и русских женщин, враги принудили воевать и матерей, настоящих и будущих, в которых изначально самой природой заложена ненависть к войне и смертоубийству. Стойко работали женщины в тылу, обеспечивая красную армию одеждой и продовольствием. Да и в бою женщины не уступали опытным бойцам по силе и отваге. Они работали сёстрами милосердия и санитарками. После боя они ползли по разорванной в клочья земле и искали тех, кого ещё можно было спасти. Или же они воевали в миномётных расчётах и держали оборону городов и других населённых пунктов. Они старались как можно больше пользы принести для общего дела.

Война не обошла и детей. Мои ровесники всеми правдами и неправдами старались попасть на фронт. Им стыдно было оставаться в тылу, в то время пока их отцы и братья проливали кровь за родную землю. Но они помогали, как могли, и в тылу. Что же за страшное было время, что даже дети и подростки были вынуждены принимать участие в войне?

Великая Отечественная война — самая страшная за последние десятилетия. Она заставила людей убивать и выживать такой страшной ценой. Нам практически невозможно понять, что происходило в то страшное время. Мы можем судить об этом только из книг и фильмов о войне и, конечно, со слов очевидцев, которых осталось очень мало. Но, несмотря на это, мы не должны забывать о бессмертных подвигах наших прабабушек и прадедушек. Никто не забыт, ничто не забыто... ■

Екатерина Проскуракова, 8 класс «Г»

В ТО СТАШНОЕ ВРЕМЯ

Я верю твёрдо, безусловно,
Что русский наш народ восстанет поголовно,
Профессор и студент, и доблестный мужик
Врага прогонят вспять за грань Отчизны кровной,
Подняв в боях испытанный свой штык,
Как встарь могуч и грозен, и велик!

А. И. Тамарин
15 февраля 1942

Война началась 22 июня 1941 года.

В тот день мой дедушка Аллан Дмитриевич Леонгардт находился на летних каникулах на даче в Зеленоградской у своего дяди, полковника Александра Николаевича Баева, танкиста, преподавателя военной академии бронетанковых войск.

26 июня учеников младших классов московской школы №123, где он учился, эвакуировали в Рязанскую область. Тогда Аллану было 11 лет. На станции «Муравьянка» их встретили местные жители и на телегах привезли в село Назарьево. Детей разместили в школе. Сначала они ночевали на сене, покрытом простынями, а потом для них поставили кровати.

Дети, жившие в этом селе, не голодали, потому что в колхозе их кормили молоком, маслом, картошкой, а каждый из них работал: кто в поле, кто помогал пастуху пастись коров.

Однажды, когда они находились в поле, неожиданно налетели самолёты, мальчишки обрадовались, замахали руками, но по ним открыли огонь. Оказалось, что это были немецкие самолёты. К счастью, никто не пострадал, но после этого случая было решено переправить школьников в Пермь.

Их посадили в вагоны, дали еду, в том числе много топлёного масла. По приезде в Пермь они пересели на пароход и по реке Кама приплыли в районный центр Добрянку. На пароходе их угостили бутербродами из чёрного хлеба и с красной икрой. В Добрянку они добрались уже зимой, мужики встретили их на санях, отвезли в село Перемское. В селе были церковь, маслобойный завод, клуб и две школы. Москвичей разместили в старой школе, а в новой — проводили занятия для местных детей. В клубе оборудовали столовую и кухню, для приезжих организовали интернат, а его директором стала бывшая завуч из московской школы №123 Мария Афанасьевна. По воспоминаниям дедушки, она была прекрасным добрым человеком и очень хорошим организатором.

Вскоре в Перемское привезли старшеклассников из их московской школы, с ними приехали учителя. Родите-

ли долгое время не знали, куда отправили их детей. Татьяна Николаевна, мама дедушки, и её подруга Лариса Никитична, мама его одноклассника и друга, очень переживали. Они боялись, что отчаянные мальчишки могут сбежать на фронт. Им удалось договориться с Марией Афанасьевной, и вместе со старшеклассниками в качестве воспитателей они приехали в Перемское как раз в тот день, когда их сыновья, подготовив дырявую лодку, собирались бежать. Лариса Никитична была пианисткой и организовала детский хор, ставила с детьми спектакли, а Татьяна Николаевна вместе с девочками шила к ним костюмы.

Дети прожили в Перемском 2,5 года без родителей. Местные мужчины были на фронте, а в селе остались только старики, женщины и дети, поэтому каждый ребёнок выполнял посильную ему работу. Зимой дети помогали рубить дрова, привозить их из леса. Летом трудились на маслобойном заводе, пололи грядки, работали в поле, привозили воду из реки, работали почтальонами. Дети не любили эту работу, потому что приходилось приносить матерям и женам похоронки. Моему дедушке пришлось нести одной женщине похоронки сразу на двух её сыновей. Она утешала себя словами: «Ничего, у меня есть ещё один сын». Но вскоре дедушка был вынужден принести похоронку и на последнего её сына.

Пайки, которые выдавались детям, были очень малы, поэтому Мария Афанасьевна договорилась с руководством колхоза о том, чтобы детям, работающим в поле, платили продуктами. Благодаря ей дети не голодали, и даже перед отъездом в Москву они чистили и сушили картошку, которую взяли с собой и ели потом около года.

С 1943 по 1945 годы дедушка с двумя родителями и сёстрами жили в своей московской квартире в Брюсовом переулке. В 1945 умер его отец, дедушка был вынужден устроиться работать лаборантом и перейти в школу рабочей молодёжи.

Несмотря на все трудности эвакуации, детям, которые были в этом интернате, повезло хотя бы в том, что они не голодали так, как многие другие.

Мою бабушку Нателу Ивановну война застала в Тбилиси, когда ей было 7 лет. Первое, что приходит ей в голову, когда она вспоминает о войне, — вечный голод, пережитый вместе с большой дружной семьей. Отец был начальником службы пути Закавказской железной дороги и с утра до ночи пропадал на работе. Мама умерла в 1939 году, а мою бабушку и её сестру приютила тётя Соня, сестра отца. Она была чудесным человеком. Имея своих троих детей, она взяла к себе в дом Нателу, её сестру, четверых сирот, племянников мужа, и мальчика, чьи родители были репрессированы в те страшные годы.

Еду выдавали по карточкам, и её всегда не хватало. Чтобы как-то накормить детей, тётя Соня собрала все вещи, от которых семья могла отказаться, и отправилась в деревню. Там она обменяла их на немного кукурузной муки и яиц. До сих пор моя бабушка первым делом кормит любого, входящего к ней в дом.

В городе часто случались пожары из-за того, что помещения отапливались временными железными печами-буржуйками. Несколько раз Тбилиси бомбили немцы. Окна в домах жители заклеивали крест-накрест полосками газет, для светомаскировки окна завешивали тёмным. Во время налетов на всех улицах раздавалось: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Люди прятались в убежищах. Об одном из таких дней бабушка написала в своём воспоминании:

...Собрались ужинать...
Внезапно тут тревога, светомаскировка.
Лучи прожекторов всё небо озарили,
Налётчика нам осветили,
И он стал зрим. Лучи вели его до горизонта.
Все мы в укрытие ушли...

В это время Нателины бабушка и дедушка, Елизавета Георгиевна и Алексей Иванович Тамарины, с детьми и внуками находились в эвакуации в городе Шацк Рязанской области. Их племянник, Владимир Песков, прошёл почти всю войну и погиб в 1945 году под Гданьском, освобождая Польшу. Их внучка Галина Брянская 23 июня 1941 года пришла в МГУ получать диплом, и её одногруппников прямо оттуда отправили в военкомат, а затем на фронт. Галина и ещё несколько девочек тоже ушли в действующую армию, и она прошла всю войну. Сын Тамариных, Лев Алексеевич, тоже был на фронте. Алексей Иванович писал о нем в своих стихотворениях:

Но надо долг отдать и чувству гражданина:
Прочсть в газетах о войне;
Но гром войны ужасен мне;
Я своего ей отдал сына,
В ней люди гибнут лучшие в стране,
И можно ли внимать ей равнодушно?
От смрада бранного и тошно так, и душно!

Война — кошмарный груз, его не сбросишь с плеч;
Взволнован целый мир сей распрею народной...
Пусть сгинут те, кто выковал ей меч
И демону войны сготовил путь свободный.
Печальна о войне по летописям речь!
Она была и впредь всегда пребудет,
Доколи мир стоит, иль Высший не рассудит,
Что легче истребить на свете всех людей
И Землю заселить содружеством зверей,
Чем род людской исправить
И в мире и любви их жить заставить.

На карте маленький кружок
С другими в окруженье тесном.
То прежде тихий городок
Был в захолуствии безвестном.
Теперь кипит там смертный бой,
Неслыханный, непримиримый;
За честь там бьётся сын родной,
За славу родины любимой.
И пронизает грустный взор
Географическую карту,
Ища судьбы в ней приговор
Войны разгульному азарту.

Но в эти страшные годы голода, страха за своих родных люди хотели забыть о войне, перенестись в другой мир, где её нет. Мой прапрадедушка писал:

Довольно о войне кровавой!
Ведь новогодние мечты мои полны
Обыденных надежд, как будто нет войны,
Нет бранных ужасов и подвигов, и славы.
Итак, к чему ж надежды сведены?
К тому, чтоб посидеть зимой у тёплой печки
При электричестве, без копоты от свечки;
Чтоб в очередь не шёл по лавкам спозарань,
Скандальных баб не слышал крик и брань,
Кассир не обсчитал, торговец не обвесил,
Чтоб я принёс домой картошку цел и весел;
Чтобы в убежище ходить не надо было
И бомбой в комнате окна мне не разбило,
Английского в двери не вышибла замка,
Чтоб выпить иногда с приятелем немножко
И в очередь добытою картошкой
Посыпать солью, закусить слегка,
(Не лыщусь надеждою вкуснее, слаще кушать)
Чтоб музыку по радио послушать,
Чтоб ночь прошла без снов.
И если новый год пройдёт по плану,
Намеченному здесь, то я ропотать не стану
И славословить буду всех земных богов.
А если будем все мы целы и здоровы
И не сворует кто-нибудь опять моих галощ,

То я скажу: «Истекший год, что ныне новый,
Воистину был счастлив и хорош!»

В своём стихотворении он описал и жизнь окружавших его людей, жителей России:

Ходит люд уныло,
Жизнь ему постыла,
Облик его нищий,
Взгляд его голодный,
А его жилище — только пепелище
Да шалаш холодный.
Едкий дым развалин,
Трупов мёрзлый ворох,
Рядом лес повален в кружевных узорах
Синих, тускло-сизых, скорбных и печальных,
Будто погребальных похоронных ризах.
На сухой осине мерзлый труп задушен,
И морозный иней засорен, запущен.
Вой призывный волчий,
Ворон чуткий вьётся,
Смотрят люди молча,
Сердце в страхе бьётся...
В этом мирном месте
Веял дьявол мести,
Крови и злодейства...
Где же, в чём возмездье?

Алексей Иванович не смог пережить тех волнений и горя, которые принесла война в их семью, и умер в апреле 1942 года. Елизавета Георгиевна вернулась в Москву в 1943 году с любимым внуком Александром, и приютила у себя университетскую подругу своей внучки.

Война принесла моей семье много горя. В коротком описании не передать всего того, что пережили люди, жившие в то страшное время. Тяжёлые годы эвакуации, жизни в тылу, на фронте отразились на людях. К сожалению, нет в живых тех, кто погиб на фронте, многих из тех, кто их не дождался, да и большинства свидетелей тех событий.

Я считаю, что никто так не может отразить происшедшее, как люди, пережившие те ужасы, тот страх за близких, поэтому я заканчиваю своё повествование стихотворением моего прапрадедушки Тамарина Алексея Ивановича:

Ужас битвы бесподобной
дух народный в сталь отлил,
Распри нет междоусобной,
Крепко спаян фронт и тыл.
В сердце смолкла укоризна,
Пробудился гражданин.
Это ты моя Отчизна!
Это я твой гражданин! ■

Елизавета Викторова, 9 класс «А»

ЭТО УЖЕ ГЕРОИЗМ

Россия пережила много войн. С кем только ни воевала наша страна! Со шведами, турками, персами, немцами, французами... Иногда это были захватнические войны, как, например, войны Петра Первого за выход к Балтийскому морю, иногда — освободительные, как в 1812 году с Наполеоном. Но, пожалуй, самой страшной войной в истории России была Великая Отечественная война. В ней погибло около 30 миллионов человек, страна была разорена от южных до северных границ, многие города были стёрты с лица земли, сотни тысяч детей остались сиротами.

Великая Отечественная война коснулась каждой семьи. Не обошла она стороной и семьи моих родителей.

Отец моей мамы, Станислав Фёдорович, был маленьким мальчиком, когда началась война. Вернее, не очень маленьким, примерно, как я сейчас. Лето 1941 года он, как всегда, проводил на даче, куда его отправили родители. Дача была довольно далеко от Москвы, около Можайска. Так получилось, что родители не смогли забрать его с дачи вовремя. А фашистские войска двигались в сторону Москвы. В результате маленький Слава оказался на захваченной фашистами территории. Между ним и Москвой, между ним и его родителями пролегла линия фронта. Всё это время он оставался на даче с родственниками. Его родственники и многие жители окрестных деревень ушли в лес к партизанам, с ними ушёл и мой дедушка. Маленькому мальчику партизаны давали различные задания: посмотреть, где расположились враги, посчитать их танки и орудия. Маленький дедушка успешно справлялся с заданиями, за их выполнение он был награждён медалью. Конечно, из-за своего возраста, он не имел оружия, не стрелял и не ходил с партизанами на боевые задания.

Второй дедушка, Михаил Васильевич, с 1942 по 1945 год служил в Советской Армии, в частях, которые находились на территории Ирана и Ирака вместе с союзными английскими войсками. Эти части не принимали участия в боевых действиях. В их задачу входило наблюдение и нейтрализация возможных военных действий гитлеровской армии в этом районе. Этим они обеспечивали безопасность южных границ Советского Союза. Палатки солдат стояли в пустыне, всегда ощущалась нехватка воды, службу они несли в условиях страшной жары. Конечно, это было не так ужасно, как на фронте, где каждый день гибли тысячи наших солдат. Вероятно, службу в пустыне можно было бы назвать «мирной» службой в военное время, но это ни в коем случае не умаляет героизма служивших там людей.

Вообще, как мне кажется, жить во время войны — это уже героизм. Что бы ни делал человек: воевал, работал на заводе, лечил раненых, учил детей, сеял пшеницу или доил коров — каждое действие в таких условиях можно расценивать как героическое. Хотя я не хотел бы жить в такое время. ■

Владимир Машинский, 9 класс «Г»

Небо над Варшавой, 1939

С самого утра самолёт вёл себя странно. Нет, он повиновался легко, как обычно, — но именно повиновался, а не слушался. Как будто ему очень не хотелось поднимать в воздух то, что было у него внутри.

Герман слегка разжал лежавшие на штурвале руки. Ему не хотелось заставлять свой самолёт. Здесь, на такой высоте, можно было представить, что вокруг нет других самолётов, что он тут один. Только он и железная оболочка вокруг него.

Далеко внизу была земля. А на земле были дома. И чем ниже он спускался, тем отчётливее он их видел.

Улочки, прямые и кривые, петляющие между домами. Крыши домов, их тени, отброшенные восходящим солнцем. Озолочённая лучами, полная красок старого города, великолепная Варшава. Необычный взгляд, взгляд сверху — но город от этого не уродливее, а лишь прекраснее.

Небольшие площади там, где сливаются улочки. Свет и тени. Лучи солнца наливаются золотом, обрезают силу. Крыши светлеют. Как невероятная, огромная, живая мозаика.

Улицы расширяются, дома всё прекраснее, всё древнее.

На улицах люди. Сотни людей. И чем ближе к центру, тем их больше.

Светлая, солнечная мозаика.

Герман напряжённо вглядывался в город внизу. Показались кресты великолепного собора, сверкающие в лучах рассвета.

Всё ближе и ближе.

— Номер семнадцать, атакуйте, приём.

Герман молча вглядывался в солнечный город. Молча, внимательно, до боли в глазах.

— Номер семнадцать, вы поняли? Приём.

— Вас понял, атакую. Приём, — сказал Герман, сжимая штурвал. ■

Саша Васильева, 8 класс «А»

ПОХОРОНКА

В начале Великой Отечественной Войны моей бабушке исполнилось пять с половиной лет. В её семье было шесть детей. 22 июня 1941 года двух её братьев вызвали в военкомат на сборы для отправки на фронт, воевать с вероломно напавшей фашистской Германией. В этот день в доме плакала её мать и печалился отец, а дети не понимали, почему родители плачут и все вместе не садятся за стол завтракать.

На следующий день мама и четверо младших детей, среди которых была и моя бабушка, пошли к военкомату. День был такой тёплый и солнечный, и дети прыгали, бегали по земле босиком, а взрослые были в печали и в слезах, и не обращали на детей внимания. Из военкомата выходили мужчины и юноши, почти мальчишки, одетые в военную форму и кирзовые сапоги, а за плечами у всех были сумки. Все они построились в две шеренги, и офицер дал команду идти к железнодорожной станции. Они шли так быстро, что ни дети, ни родители не поспевали за колонной. На станции все солдаты зашли в два вагона, и поезд уехал.

Домой возвращались дети и мать бегом, а когда зашли, увидели, что на кровати сидит Фрол — один из двух братьев, которых вызывали в военкомат. Оказалось, что ему не хватило двух сантиметров роста, чтобы уехать на фронт. После он подрос, окончил техникум, но получил бронь, потому что стране нужен был металл.

Теперь все ждали вестей от Александра — брата, который уехал на фронт, все хотели узнать, где он и как

воюет. Всё время дети и родители следили за почтальоном, а он говорил: «Вам ничего нет». Но один раз он пришёл и принёс небольшой треугольник — письмо. Тогда бабушка ещё не знала, что её мама не умеет читать, а все, кто умеет, тогда были на работе. Только к утру следующего дня все узнали, что Александр живой, и что всё хорошо. Были и ещё несколько писем, все они были полные надежд, уверенений в победе и стихов. Стихи были в основном о красоте и величии Ленинграда, о том, что жизнь и за страну не жалко отдать.

Но вот отца вызвали в военкомат, и он принёс не треугольник, а бумажку размером с пол-листа, сказал всем сесть. Сказал, что Саша больше нет. Мама не плакала, она молчала. Отец сказал не баловаться, сел перед кроватью и стал утешать маму. Он говорил, что Саша погиб смертью храбрых, за неё и за него, за детей жизнь отдал, и теперь все они должны жить. А сам плакал, и дети тоже заплакали. И только мама лежала и не плакала, а отец давал ей какое-то лекарство и воду.

Прошёл день, два... Отец сказал, что Фрол будет варить, Флегонт убирать, а маленькие дети будут помогать дойти матери, куда она просит. Позже дети узнали, что мать не видит. К ней стали приходить какие-то врачи, знахари, и через полгода она стала видеть снова и начала ходить.

А потом этот листок, который принёс отец, дети прочитали сами. Он назывался похоронкой, и в нём было написано, что Кушнарёв Александр Филиппович погиб смертью храбрых 7 ноября 1942 года в деревне Чернухи Чудовского района Ленинградской области. ■

Алексей Сизов, 7 класс «Б»

Светлой памяти моего прадеда, Лыгина Михаила Григорьевича и всех, стоявших насмерть, посвящаю...

БЕСКОЗЫРКИ

Рассказ про войну

Хотят ли русские войны?
Спросите Вы у тишины...

Е. Евтушенко

Эту историю рассказал мне мой отец, а ему — прадед. Он участвовал в Сталинградской битве и чудом остался жив. Мне было 15 лет, когда я впервые услышал этот рассказ.

1942 год. Мамаев Курган. По этому поводу много сказано и написано. Вряд ли я смогу добавить что-то значимое. Постараюсь близко к тексту передать слова моего отца. Прадед был обычным человеком, 1916 года рождения, всю жизнь проработал на солепромысле, а его отец, мой прапрадед, был матросом на крейсере «Варяг». Прапрадеду тоже досталось, был в японском плену два года. К сожалению, он умер в 1938 году, мой отец не застал его живым, и ему не довелось пообщаться с этой легендарной в нашей семье личностью. Мне от прапрадеда осталась цепочка от брегета, который ему в Питере лично подарил Николай II.

На момент описываемых событий моему прадеду было 26 лет и, как он говорил, жить хотелось настолько же сильно, насколько сильно не понималась цена жизни.

Мамаев Курган — знаменитая высота, которая по несколько раз переходила из рук в руки. Ситуация была неустойчивая, и товарищ Сталин перебросил с Дальнего Востока дивизию моряков в Сталинград. Как вспоминал прадед, все ребята были, в основном, 1923–1925 года рождения. И все они были в черных бушлатах.

Немцы дошли до того, что загружали в самолёты металлические конструкции с тракторного завода и сбрасывали их на наши позиции. Прадед говорил, что навсегда запомнил свист этого металла, который летел на головы с небес. Он говорил, что в какой-то момент забывалось, что это может происходить наяву, потому как с неба летели бороны, плуги, шестерни и просто листовый металл. Листы металла были особенно опасны, и прадед видел, как такие листы срезали солдатам головы.

Что такое атака? Это смерть. Мне совершенно непонятно, как можно ходить на смерть по несколько раз в день. Прадед говорил, что он уже давно смирился с тем, что его убьют, но ему не было жалко жизни, как он говорил, «ради нашей земли». Что такое «наша земля» я понял потом.

В детстве, когда я был на Мамаевом Кургане, я никак не мог понять, почему в зале боевой славы на стенах вы-

биты имена павших героев с морскими званиями: матрос, капитан-лейтенант, старшина первой статьи... И таких имён очень много. Мне казалось странным такое количество моряков и волгоградская степь. «Война есть война, — думал я, — и здесь все могло быть». А было так...

Представьте себя в окопе у подножия горы. Вы видите весь склон горы до самой вершины. Все пулемёты и бронебойные орудия сверху вниз нацелены вам в лицо. Вы видите небо, солнце и знаете, что сейчас умрёте. Атака. Сплошной свинец. Первый батальон пошёл наверх и сразу погиб, пошёл второй, третий... и смертельная кисть войны черной краской начала покрывать Курган. Через тела своих товарищей новые волны чёрных бушлатов ползли наверх. Прадед, как рассказывал отец, употреблял странное для этого момента слово — «посунулись», он говорил, что Курган стал покрываться чёрными слоями, от подножия до вершины. Одни, пробитые роями пуль, легли, а другие «посунулись» поверх своих товарищей, ещё на один шаг. Ещё и ещё, до самой вершины. Смерть рождала смерть. Они взяли эту высоту. Курган был чёрным. Немцы ещё не раз вспоминали эту чёрную смерть. Сегодня на Мамаевом Кургане есть стена, на которой выбиты слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперёд, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?» Ответ на этот вопрос прост и знает его любой человек в России — «бессмертны». Наше поколение и поколения наших детей хранители этого бессмертия. Солдаты, встававшие на свинец, верили в это.

Тишина. Полная и абсолютная тишина. Тишина... Вероятно, цена победы бывает разной, но победа всегда бывает одна. После всего этого ужаса, грома, смерти и крови, тишина была оглушительная. Словно чёрные дыры от ушедших душ, всё ещё цепляясь ленточками за землю, по Кургану были разбросаны тысячи матросских бескозырок. Прадед говорил, что ему навсегда запомнился странный шорох в этой крошечной тишине, как будто шёпот огромного количества людей.

Это ветер по степи катал чёрные бескозырки.

О чём шептались эти бескозырки? Мне кажется, что о нас. ■

Михаил Брагин, 11 класс «Г»

Военно-историческая реконструкция

Недавно судьба занесла меня на военно-историческую реконструкцию прорыва блокады Ленинграда. Приехав в легендарный город Кронштадт, мы (несколько учащихся «Второй школы») с нашим учителем истории Алексеем Борисовичем Шуваловым и реконструкторами из других городов сели на автобус. Он довёз нас до места реконструкции. Здесь все знакомились друг с другом, сутились, заряжали оружие...

«А ты хоть немного умеешь бинтовать?» — задали мне вопрос и, услышав мой положительный ответ, вручили санитарную сумку и бинты. Роль санитарки была для меня неожиданной и новой. Сначала она мне не очень понравилась. Казалось, что санитаркой быть скучно, но потом я поняла, что это вовсе не так.

Мы дождались торжественного построения, где добродушный пухленький дяденька объяснил нам боевые задачи и рассказал о ходе боя. Нас послали на позиции. Торжественное волнение, охватившее всех, нарастало. И вот начались боевые действия. Разведчики в маскировочных халатах пробирались к фашистскому лагерю. Сердце билось всё чаще... Наконец их заметили. Далее события начали развиваться стремительно. Разведка отступила. В наступление пошли основные войска русских. Не прошло и нескольких минут, как на поле появились первые раненые. Мне удалось перевязать всего одного человека, но, тем не менее, я была довольна.

А события продолжали развиваться, и вот уже немецкие укрепления берут штурмом. Внезапно раздаётся крик: «Санитарку сюда!», и я спешу на помощь. Оказалось, ранен наш командир, находящийся в самом центре сражения. Я не успела его перевязать, как сражение было окончено. На поле разносилось: «Ура! Мы победили!»

Так прошла моя первая реконструкция.

Но зачем же вообще нужны реконструкции? И почему так много людей ими занимается? Этот вопрос я задала участникам реконструкции. Вот их ответы.

- ★ Я занимаюсь реконструкцией, потому что не даю забыть тех, кто сложил голову за Родину, как бы она ни называлась — СССР или Россия, а еще потому, что мне нравится тот период — время, когда люди искренне верили в идеалы своего времени.
- ★ Реконструкции нужны, чтобы показать оставшимся в живых ветеранам, что есть люди, которые помнят об их подвигах.

- ★ Реконструкции — это не просто тупая пальба типа пэйнбола. Это шанс пропитаться духом тех событий и таким образом сохранить память о людях, принимавших в них участие. Это способ показать, что мне не всё равно.
- ★ Реконструкция — это некая возможность ощутить, как это было, представить не столько процесс боя (хотя и это тоже), сколько быт и обстановку тех лет.
Ты знаешь, что всё это понарошку, что в магазине у тебя холостые патроны, все закладки пиротехники известны, но, как только начинается наступление, это всё уходит на задний план. И ты уже не реконструктор, а боец красной армии. При звуках выстрелов пригибаешься, будто всё реально, но при этом выполняешь свою задачу.
И, конечно, самое приятное — это общение с людьми, у которых с тобой много общих интересов, людьми из разных городов и государств, приехавших поддержать мероприятие, не пожалевших времени и средств.
- ★ Реконструкции — это дань памяти всем погибшим и выжившим в этой страшной войне, отстаивавшим нашу свободу и право на жизнь. Это способ привлечь внимание сверстников к нашей истории. Реконструкции необходимы для сохранения духовной и материальной памяти о Великой Отечественной войне. Кому, если не нам? ■

Александра Цветкова, 8 класс «Г»

Военно-историческая
реконструкция прорыва
блокады ЛЕНИНГРАДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ «ВТОРАЯ ШКОЛА»

50 лет «Вторая школа» является одной из сильнейших физико-математических школ Москвы. Ежегодно наши ученики успешно участвуют во всероссийских и международных соревнованиях и конференциях по математике, физике и информатике. В течение года проводятся конференции, математические бои и другие соревнования. Все наши выпускники поступают в вузы, из них более 70% — в МГУ, остальные — в МФТИ, МИФИ, МГТУ им. Баумана и другие высшие учебные заведения.

В Лицей принимаются ученики 7-9 классов. Для младших школьников работает Вечерняя математическая школа.

Учиться у нас трудно, но интересно. Если Вы любите решать сложные задачи, если Вы трудолюбивы и любознательны, увлечены математикой, физикой или информатикой, но еще не учитесь в нашем Лицее, то мы ждем Вас.

КАК К НАМ ПРОЕХАТЬ

- ♦ от станций метро «Октябрьская» или «Ленинский проспект» на троллейбусах №№ 4, 33, 62, 84 и автобусе № 111 до остановки «Универмаг „МОСКВА“»
- ♦ от станции метро «Университет» на троллейбусе № 4 или автобусе № 119 до остановки «Универмаг „МОСКВА“»
- ♦ от станции метро «Академическая» на автобусе № 119 до остановки «Университетский проспект»

Директор: Овчинников Владимир Федорович

119333, Москва, ул. Фотиевой, 18.

Тел./факс (495) 137-17-69, 137-69-31,

www.sch2.ru, e-mail: sch02@yandex.ru